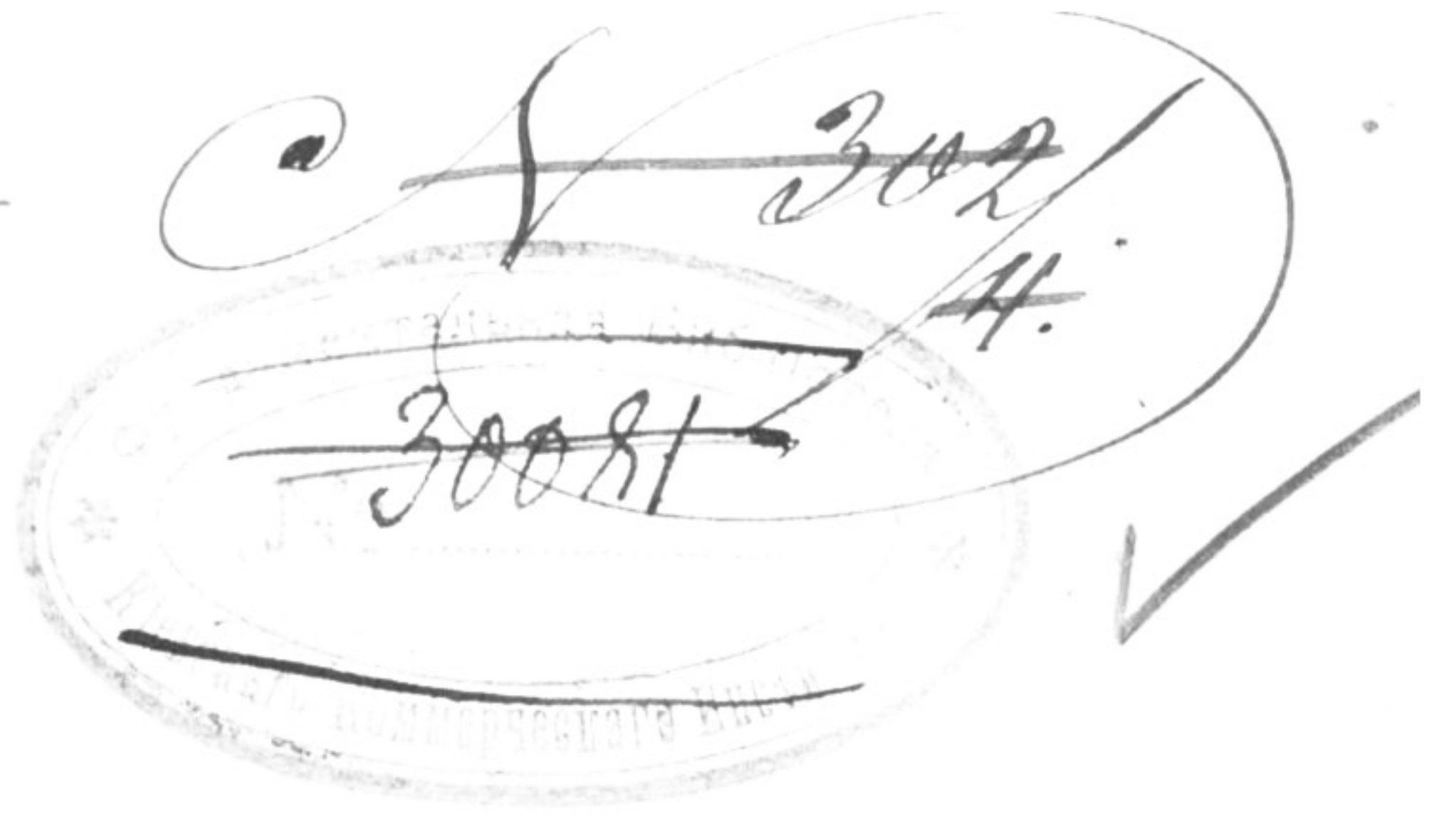

БИБЛИОТЕКА

ДИСКУССИОНЕ

2. 70

493
12.

~~30081~~

~~30081~~

~~30081~~

33

61

В 15460

РАЗНЫЯ

СОЧИНЕНІЯ

С. Аксакова.

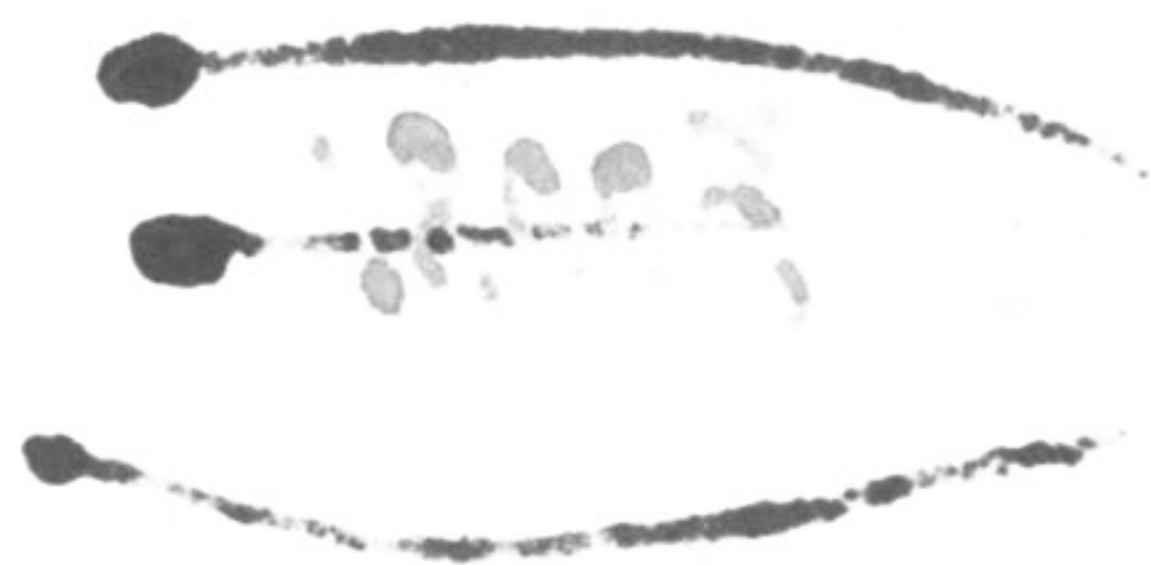

МОСКВА.

Въ типографіи Л. Степановой,
при Императорскихъ Московскихъ Театрахъ.
1858.

812-10

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было, въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
Москва, 20 Октября, 1858 года.

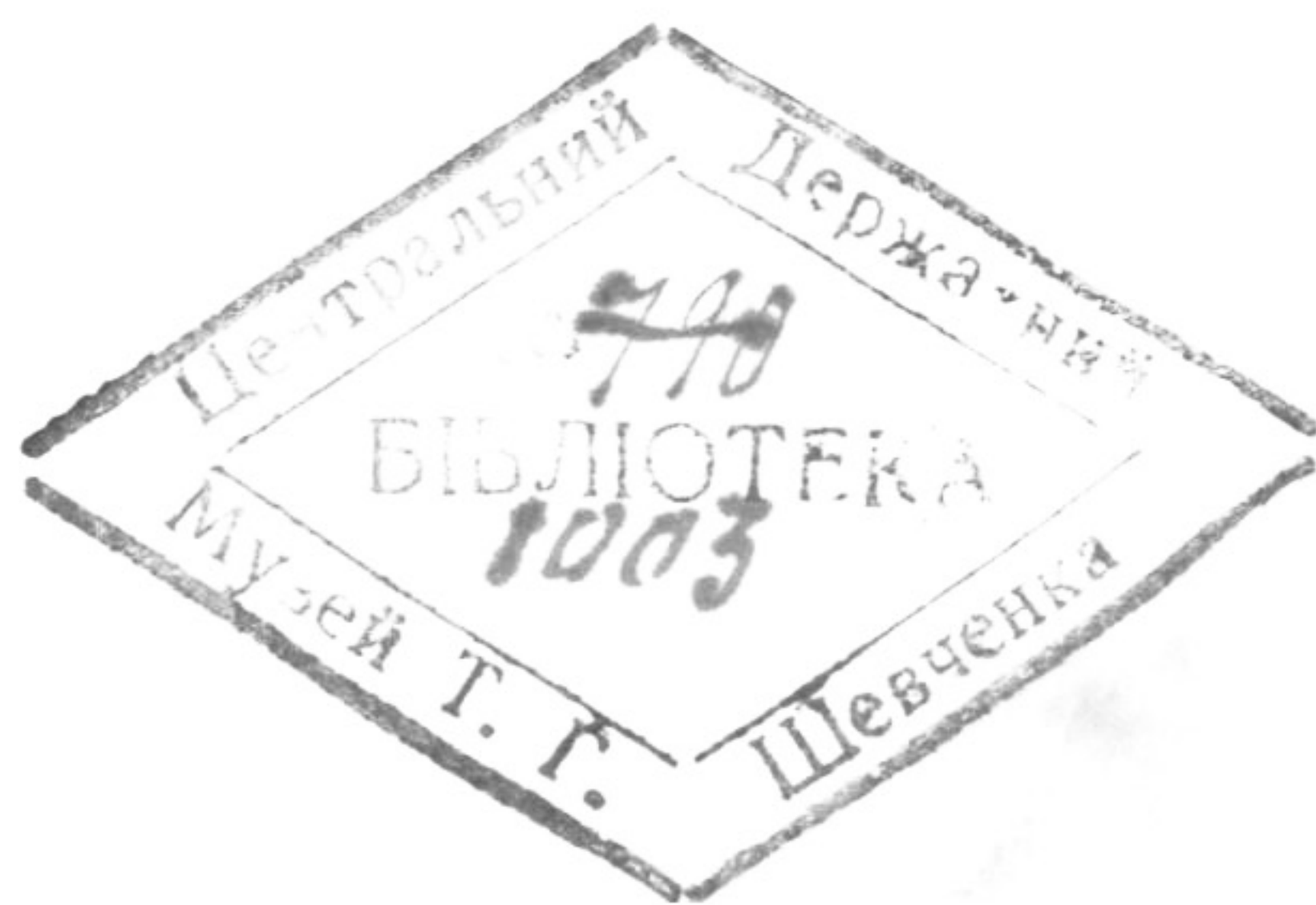
Ценсоръ *Н. Фонъ-Крузе.*

**ЛИТЕРАТУРНЫЕ И ТЕАТРАЛЬНЫЕ
ВОСПОМИНАНИЯ.**

ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ТЕАТРАЛЬНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

Благодаря трудамъ нашихъ библіографовъ и біографовъ, трудамъ, принимаемымъ читающею публикою съ видимымъ участіемъ, мы имѣемъ теперь довольно важныхъ свѣдѣній о писателяхъ второстепенныхъ, которые начинали приходить у насъ въ забвеніе потому, что они имѣли достоинства, относительныя къ своему времени. Кромъ того, что всь такія біографическія свѣдѣнія и розысканія любопытны, полезны и даже необходимы, какъ матеріаль для исторіи нашей литературы, — въ этомъ вниманіи, въ этихъ знакахъ уваженія къ памяти второстепенныхъ писателей, выражается чувство благодарности, чувство справедливости къ людямъ, болѣе или менѣе даровитымъ, но не отмѣченнымъ такимъ яркимъ талантомъ, который, оставя блестящій слѣдъ за собою, долго не приходитъ въ забвеніе между потомками. Писатели второстепенные готовятъ поприще для писателей первоклассныхъ, для великихъ писате-

лей, которые не могли бы явиться, еслибъ предше-
 ствующіе имъ литературные дѣятели не приготовили
 имъ матеріала для выраженія творческихъ созданій,—
 среды, въ которой возможно уже проявленіе вели-
 каго таланта. Всякой кладетъ свой камень при пост-
 роеніи зданія народной литературы; велики или малы
 эти камни, скрываются ли внутри стѣнъ, погребены
 ли въ подземныхъ сводахъ, красуются ли на гордомъ
 куполѣ — все равно, труды всѣхъ почтенны и достой-
 ны благодарныхъ воспоминаній.

Желая по возможности содѣйствовать успѣху важ-
 наго, по моему убѣжденію, дѣла, я хочу присоединить
 къ нему и мою скудную долю. Я нисколько не беру
 на себя обязанности бібліографа, или біографа, я не
 собираю свѣдѣній изустныхъ и печатныхъ, разбросан-
 ныхъ по журналамъ и брошюркамъ: я стану рассказы-
 вать только то, что видѣлъ и слышалъ самъ, при моихъ
 встрѣчахъ съ разными литераторами. Моя цѣль —
 доставить матеріалъ для біографа. Я расскажу также
 о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя производили на об-
 щество тогдашнія литературныя явленія, именно въ
 томъ кругѣ, въ которомъ я жилъ, или, правильнѣе
 сказать, куда я заглядывалъ до 1826-го года. Съ
 этого времени рассказы мои будутъ подробнѣе, послѣ-
 довательнѣе и точнѣе.

1812-й ГОДЪ.

Въ началъ 1812-го года, зимою, Яковъ Емельяновичъ Шушеринъ познакомилъ меня въ Москвѣ съ нѣкоторыми литераторами и, прежде всѣхъ, съ Сер. Ник. Глинкою, издававшимъ тогда «Русскій Вѣстникъ». Шушеринъ звалъ издателя «Русскимъ мужичкомъ». Его оригинальная личность, его патріотическое участіе въ Московскихъ событіяхъ 1812-го года гораздо замѣчательнѣе его многотомныхъ сочиненій; говорить о немъ съ полной свободою еще не время. Скажу только, что я нашелъ тогда въ Сергѣѣ Николаевичѣ Глинкѣ, не смотря на его странности въ пріемахъ, привычкахъ и сужденіяхъ, — самаго добраго, прямого, открытаго и правдиваго чловѣка. Русское направленіе было для него главнымъ дѣломъ въ жизни; проповѣдывать его онъ считалъ своимъ гражданскимъ долгомъ: ибо такое проповѣдываніе онъ находилъ полезнымъ для государства, котораго былъ гражданиномъ. Это слово часто употреблялось Глинкой въ разговорахъ. Онъ никогда не принадлежалъ къ числу исключительныхъ, такъ называемыхъ и тогда, Славянофиловъ. Воспитанникъ Кадетскаго корпуса, товарищъ и пріятель Озерова, онъ былъ такой же горячій любитель Французскаго языка и Французской литературы, какъ Озеровъ, зналъ хорошо этотъ языкъ, помнилъ множество стиховъ и прозы

лучшихъ Французскихъ писателей и любилъ читать ихъ наизусть. Онъ былъ живаго, даже торопливаго нрава: весь состоялъ изъ порывовъ. Онъ думалъ, говорилъ и писалъ, такъ сказать, *на ходу*, сентенціями; а потому все, имъ написанное, не смотря на природную даровитость автора, не выдерживало и тогда моего юпошескаго разбора и суда. Во всѣхъ его сочиненіяхъ, безъ исключенія, вездѣ вырывались горячія слова, живыя выраженія, даже строки, полныя внутренняго чувства; онъ производили сначала впечатлѣніе, но, повторенныя сочинителемъ нѣсколько разъ, иногда не кстати, сдѣлавшись стереотипными, казенными фразами — онъ начинали уже опошляться и надоѣдать людямъ разборчивымъ, а потому и взыскательнымъ. Я не знаю, кто-то сказалъ, вѣроятно послѣ нашествія Французовъ, и сказалъ довольно вѣрно, что «Глинка былъ бы не дурень, еслибъ у него не было соуса изъ «вѣры, вѣрности и Донцевъ» (*), который и хорошъ для винегрета, а онъ обливаетъ имъ весь блюда». Впрочемъ въ отдаленныхъ углахъ Россіи, особенно послѣ великаго двѣнадцатаго года, особенно на Дону, Глинка пользовался большимъ авторитетомъ. Успѣхъ его «Русскаго Вѣстника» и еще болѣе блистательный, хотя не продолжитель-

(*) Въ 1813-мъ году С. Н. Глинка напечаталъ книжку или брошюрку: «Вѣра, вѣрность и слава Донцевъ»; она-то вѣроятно подала поводъ къ разсказанной мною шуткѣ.

ный, успѣхъ его пансіона для Донцевъ, служатъ тому неоспоримымъ доказательствомъ. Доброта души С. Н. Глинки была извѣстна его знакомымъ: онъ не могъ видѣть бѣднаго человѣка, не подѣлившись всѣмъ, что имѣлъ, забывая свое собственное положеніе и не думая о будущемъ, отчего, не смотря на значительный иногда приливъ денегъ, всегда нуждался въ нихъ.... Но, повторяю, рано еще говорить обо всемъ на бѣло. — Сер. Ник. Глинка очень меня полюбилъ, особенно за мое Русское направленіе. Онъ захотѣлъ познакомить меня съ Никол. Мих. Шатровымъ, который былъ тогда въ славѣ, и въ свѣтскомъ обществѣ и въ кругу Московскихъ литераторовъ, за стихотвореніе свое: «Мысли Россіянина при гробѣ Екатерины Великой» (*), въ которомъ точно очень много было сильныхъ стиховъ; они казались смѣлыми и удобоприлагались къ современной эпохѣ. Еще болѣе славился Шатровъ подражаніями или переложеніями псалмовъ Давида, которыя положительно имѣютъ большое достоинство. Шатровъ былъ сынъ плѣннаго Персіянина *Шатра*, вывезеннаго мальчикомъ въ Россію около 1727-го года. Шатръ воспитался въ домѣ Мих. Аѳан. Матюшкина, командовавшаго Русскими войсками въ

(*) Въ послѣдствіи оно называлось иначе, а именно: «Праха Екатерины Второй»; подъ симъ заглавіемъ напечатано оно въ третьей части «Стихотвореній Н. Шатрова», изданныхъ въ пользу его отъ Россійской Академіи.

Персидскомъ походѣ; у него же въ домъ выросъ и воспитался Н. М. Шатровъ, котораго потомъ опредѣлили въ службу въ Москвѣ, гдѣ онъ успѣлъ познакомиться и сблизиться со многими знатными людьми, и особенно съ другомъ Новикова и покровителемъ знаній и талантовъ, богатымъ бариномъ, П. А. Татищевымъ, у котораго въ домъ и жилъ. Умомъ, дѣльностью по службѣ и талантомъ, а всего болѣе покровительствомъ Татищева, Шатровъ скоро проложилъ себѣ дорогу. Дослужившись до чина, который давалъ ему право на потомственное дворянство, онъ просилъ себѣ грамоты и герба. Императоръ Павелъ I-ый приказалъ ему составить гербъ, помѣстя въ немъ золотую лиру въ голубомъ полѣ (*). Шатровъ не имѣлъ научнаго образованія, но Русскую грамоту зналъ твердо и языкъ у него вездѣ правиленъ и благозвученъ. Онъ былъ не маловажнаго о себѣ мнѣнія, и въ тоже время человекъ веселый и любезный по своему; въ молодости онъ вѣроятно былъ очень хорошъ собою; къ обществу высшаго или, вѣрнѣе сказать, лучшаго круга новыхъ литераторовъ онъ не принадлежалъ; по крайней мѣрѣ я никогда не видалъ его ни у Кокошкина, ни у другихъ. Шатровъ обласкалъ меня и между прочимъ

(*) Все это я слышалъ тогда же отъ Шущерина нѣсколько въ превратномъ видѣ; но сказанное мною здѣсь сообщено мнѣ изъ достоверныхъ источниковъ С. А. М. и П. И. Б.

спросилъ, знакомъ ли я съ знаменитѣмъ Русскимъ писателемъ, Николаемъ Петровичемъ Николаевымъ? Должно признаться, что я не имѣлъ никакого понятія о знаменитости Николаева; слыхалъ только отъ Шушерина объ его трагедіи: «Сорена и Замиръ», напечатанной въ «Россійскомъ Театрѣ» и не попавшей въ «Творенія Николаева», которую обыкновенно называли просто «Сорена». Шушеринъ говаривалъ мнѣ, что въ ней есть славныя мѣста, но что послѣ Крюковскаго и Озерова ее читать нельзя, потому что языкъ слишкомъ устарѣлъ. Хотя я очень помнилъ два стиха изъ одной рукописной сатиры Кн. Горчакова: (*)

«Гусситы, Попугай предпочтены Соренѣ
И Коцебятина одна у насъ на сценѣ,»

изъ которыхъ я долженъ былъ заключить, что Сорена имѣетъ высокое достоинство; но на ту пору я все это забылъ и откровенно отвѣчалъ, что не имѣю понятія о Николаевѣ. Шатровъ удивился, посмотрѣлъ на меня съ улыбкою сожалѣнія и сказалъ: «это отъ того, что вы всегда жили въ Петербургѣ, а тамъ не умѣютъ и не хотятъ цѣнить Московскихъ талантовъ. Я познакомлю васъ съ Николаевымъ и попрошу его прочесть что-нибудь изъ новой его трагедіи

(*) Рукописныя сатиры Кн. Горчакова пользовались въ восьмидесятихъ годахъ большою извѣстностью и особеннымъ уваженіемъ въ славянофильскомъ кругу Шпшкова. Кажется, онѣ никогда не были

«Малекъ-Адель», заимствованной изъ «Матильды» (*); эта трагедія лучше всѣхъ его прежнихъ сочиненій и написана съ такимъ огнемъ, какъ будто ее писалъ молодой человекъ. Поѣдемте завтра же поклониться нашему славному слѣпцу». Я очень былъ радъ такому предложенію. Шатровъ прочелъ намъ два новыхъ псалма и какое-то патріотическое стихотвореніе; псалмами я восхищался отъ искренняго сердца.

Тотъ же день Шушеринъ, чтобы приготовить мнѣ хорошій пріемъ, съѣздилъ къ Николеву, разумѣется разхвалилъ меня и мое чтеніе и, къ сожалѣнію, наговорилъ лишняго о моемъ восхищеніи и благоговѣніи къ таланту хозяина. Шушеринъ однако успѣлъ меня предупредить о томъ и дать мнѣ болѣе подроб-

напечатаны. Въ нихъ сильно и рѣзко выставлялись тогдашнія злоупотребленія. Описывая роскошные пиры чиновниковъ, наворовавшихъ себя богатство отъ продовольствія солдатъ, сочинитель говоритъ:

*«Межъ тѣмъ какъ воинъ, къ нимъ пришедшій на клюкъ,
И черезъ нихъ однихъ не въ лавровомъ вѣнкѣ,
Простря подь оконую изстрѣленну десницу,
За счастье чтить достать отъ ихъ стола крупицу.»*

Не менѣе знаменательны и слѣдующіе два стиха, которые говоритъ одинъ изъ общественныхъ грабителей:

*«И шествуя путемъ воровъ безъ остановки,
На шеѣ съ лентою, избавлюсь отъ веревки.»*

Да проститъ мнѣ тѣнь благороднаго сочинителя этихъ стиховъ, если память моя сколько-нибудь ихъ искажила!

(*) Матильда или Рыцари Крестовыхъ походовъ. Сочиненіе Г-жи Коттенъ. Въ брошюрѣ «Памятникъ друзей Н. П. Николеву» два раза упоминается о ненапечатанной трагедіи «Матильда»; вѣроятно, ее слышала я подь названьемъ «Малекъ-Адель».

ное понятіе о Соренъ, даже прочелъ нѣкоторыя мѣста наизусть. Онъ разсказалъ мнѣ, что Николевъ любитъ похвалы и что мнѣ, какъ очень молодому (мнѣ было 20-ть лѣтъ) и неизвѣстному литератору, только что вступающему на это поприще (я переводилъ тогда «Филоктета»), необходимо высказать мое удивленіе къ великимъ твореніямъ Николева. Это меня порасхолодило, но дѣлать было нечего. Я пріѣхалъ на другой день по утру къ Шатрову, и мы вмѣстѣ отправились къ слѣпому поэту, который желалъ казаться зрячимъ и очень не любилъ, если кто-нибудь давалъ ему чувствовать, что знаетъ его слѣпоту. Объ этомъ предупредилъ меня Шатровъ. Николевъ принялъ насъ въ своемъ кабинетѣ: онъ былъ одѣтъ парадно и неопрятно, чего по слѣпотѣ своей не могъ видѣть, но чего терпѣть не могъ. Онъ даже хвалился всегда свѣжестью своего бѣлья и чистотою въ комнатахъ, тогда какъ, напротивъ, все было грязно и въ безпорядкѣ: разумѣется, никто не выводилъ его изъ пріятнаго заблужденія. Николевъ сидѣлъ въ креслахъ, у письменнаго стола; возлѣ него стоялъ мальчикъ. Отворяя намъ дверь, человекъ громко сказалъ: «Николай Михайловичъ и господинъ Аксаковъ». Николевъ всталъ, очень свободно пошелъ намъ на встрѣчу, протянулъ мнѣ руку, привѣтствовалъ очень ласково, запросто поздоровался съ Шатровымъ и, пригласивъ насъ сѣсть, воротился къ своимъ кресламъ и сѣлъ въ нихъ такъ ловко, что

еслибъ я не былъ предупрежденъ, то не догадался бы, что онъ слѣпъ, тѣмъ болѣе, что глаза его были совершенно ясны. Хозяинъ былъ очень любезенъ; но въ этой любезности слышалось снисхожденіе знаменитаго писателя, который съ высоты своего величія, благодушно и привѣтливо обращается къ простымъ смертнымъ. Шатровъ, безъ всякихъ церемоній, называлъ его въ глаза «великимъ Николевымъ», и онъ принималъ такія слова, какъ должную и привычную дань, все равно, какъ будто называли его Николаемъ Петровичемъ. Я кое-какъ подлаживался къ Шатрову; и еслибъ Николаевъ не былъ слѣпъ, то могъ бы замѣтить, по моему смущенному лицу, что я говорилъ не искренно. Впрочемъ едва ли такъ. Тутъ самоувѣренность была такъ сильна, что и смущеніе и молчаніе было бы принято за выраженіе того благоговѣнія, съ которымъ обыкновенный человѣкъ приближается въ первый разъ къ великому человѣку. Разговоръ вертѣлся на сочиненіяхъ хозяина; Шатровъ управлялъ разговоромъ и лгалъ на меня безсовѣстно, разумѣется, на счетъ моего благоговѣнія къ сочиненьямъ Николаева. Когда рѣчь дошла до новой трагедіи хозяина, до «Малекъ-Аделя», то я сказалъ, что былъ бы очень счастливъ, еслибъ могъ ее прочесть или что-нибудь изъ нея услышать. Николаевъ отвѣчалъ, что «кромѣ писца никто не имѣлъ его трагедіи въ своихъ рукахъ, но что онъ самъ, зная ее наизусть, *играетъ* нѣкоторыя сцены изъ нея

друзьямъ своимъ, потому что драматическое сочиненіе надобно *играть*, а не читать». Шатровъ началъ просить, чтобы *безсмертный* Николевъ сыгралъ какую-нибудь сцену. Я присоединилъ мою убѣдительную просьбу, и Николевъ согласился. Онъ вышелъ на средину комнаты и продекламировалъ цѣлую, очень большую сцену, играя всѣ лица, разными голосами, предварительно называя ихъ по именамъ, переходя съ мѣста на мѣсто и принимая приличное ихъ характерамъ положеніе. Не смотря на такіе комическіе пріемы, не смотря на мимику и жесты, доводимые до крайняго излишества, мнѣ показалось тогда такъ много силы въ стихахъ и огня въ выраженныхъ чувствахъ, что я на первый разъ былъ увлеченъ и превозносилъ искренними похвалами игру и сочиненіе хозяина. Впоследствии я слышалъ еще нѣсколько сценъ, которыя уже не производили на меня такого впечатлѣнія; но изъ всего слышаннаго я вывелъ заключеніе, что въ трагедіи много сильныхъ мѣстъ, а въ чувствахъ Малекъ-Аделя много пылкости. У меня врезались въ памяти четыре стиха, которые говоритъ, кажется, — Матильда, можетъ-быть и кто-нибудь другой, — описывая скачущаго на конѣ «Малекъ-Аделя»:

Блисталъ (*) конь бѣлъ подъ нимъ, какъ снѣгъ Ат-
лантскихъ горъ,
Стрѣла летяща — бѣгъ, свѣща горяща — взоръ,

(*) Не отвѣчаю за слово: «блисталъ». Иногда мнѣ кажется, что вмѣсто него стояло: «сверкалъ». — «Малекъ-Адель» значитъ пламень битвы, такъ говорилъ мнѣ Шатровъ.

Дыханье — дымъ и огонь, грудь и копыта — камень,
 На немъ — Малекъ-Адель или сраженій пламень».

Что сдѣлалось съ этой трагедіей, равно какъ и со всѣми рукописными сочиненіями Николева, умершаго въ 1815-мъ году—ничего не знаю (*). Изъ приведенныхъ мною четырехъ сильныхъ стиховъ можно заключить, что вся трагедія написана въ такомъ же лирическомъ, восторженномъ духѣ.

Продекламировавъ сцену, Николевъ, совершенно какъ зрячій, воротился къ своимъ кресламъ и сѣлъ на нихъ. Шатровъ не преминулъ назвать его неподражаемымъ актеромъ и писателемъ. Чтеніе или игра Николева была самая напыщенная, неестественная, пѣвучая декламація, не совсѣмъ однако похожая на обыкновенное тогда чтеніе на распѣвъ трагическихъ стиховъ; что же касается до огня, до пылу, то его было гораздо болѣе во внѣшнемъ выраженіи, чѣмъ во внутреннемъ чувствѣ. Тогда не многіе понимали это различіе; но сила, стремительность, поражающія и увлекающія сначала всякаго слушателя, — были въ его чтеніи. Николевъ былъ очень доволенъ собою и говорилъ, что давно такъ хорошо не игралъ; онъ сдѣлался веселѣе, разговорчивѣе и ласковѣе; заставилъ меня прочесть одинъ монологъ изъ перевод-

(*) По свѣдѣніямъ, полученнымъ мною отъ почтеннаго С. А. М., находившагося въ близкихъ сношеніяхъ съ Н. П. Николевымъ, всѣ его бумаги перешли въ руки Н. М. Шатрова и вѣроятно были доставлены имъ ближайшему наследнику.

маго мною тогда «Филоктета», похвалилъ и переводъ и чтеніе, и, услышавъ отъ Шушерина, что я перевелъ стихами комедію Мольера: «Школа мужей», потребовалъ, чтобъ я непременно прочелъ ему свой переводъ. Потомъ пригласилъ меня прѣзжать, какъ можно чаще, къ нему, обѣщая прочесть мнѣ много кой-чего «важнаго и забавнаго»; потомъ, взявъ слово, что завтра мы прѣдемъ къ нему обѣдать, отпустилъ насъ съ Шатровымъ, осыпавъ меня множествомъ любезностей на Русскомъ и даже на Французскомъ языкѣ.

Шатровъ не былъ доволенъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на меня Николевымъ: похвалы мои казались ему холодны, а замѣчанія, откровенно высказанныя мною Шатрову, — непозволительными. Ему было дико, что двадцатилѣтній юноша, ничего еще не сдѣлавшій въ литературѣ, смѣетъ судить и критиковать писателя, котораго онъ (Шатровъ) и весь кружокъ его считаетъ великимъ писателемъ. Онъ высказалъ мнѣ довольно прямо свои мысли и назвалъ мои сужденія «самонадѣянной дерзостью молодого человѣка»; но въ послѣдствіи я убѣдился, что Шатровъ немножко прикидывался передо мною, какъ передъ новичкомъ, изъ какихъ причинъ — не знаю. Да и возможно ли, чтобы человѣкъ, писавшій тогда прекраснымъ языкомъ, даже и теперь сохраняющимъ свое достоинство, не чувствовалъ устарѣлости, неестественности, пухлости, а иногда и уродливости языка

Николева?... Шушеринъ понималъ это совершенно. Шатровъ однако сказалъ мнѣ, въ видѣ наставленія, что и великіе люди имѣютъ свои странности, иногда доходящія до смѣшнаго. «Такъ и Николевъ, продолжалъ онъ, имѣетъ странное желаніе казаться зрячимъ и любитъ говорить о чистотѣ своего платья и опрятности своихъ комнатъ, тогда какъ мошенники-слуги одѣваютъ его въ черное бѣлье, нечищенное платье и содержатъ его комнаты засоренными и грязными; вотъ завтра будемъ мы обѣдать у него, и я васъ предупреждаю, что кушанье будетъ приготовлено жирно и даже вкусно, но все будетъ подано неопрятно, особенно столовое бѣлье. Николевъ любитъ, чтобъ его гости кушали много и хвалили кушанья: отъ перваго можно себя уволить, а второе необходимо». Шатровъ простился со мною съ чувствомъ своего достоинства и превосходства. Я рассказалъ все Шушерину. Онъ смѣялся и увѣрялъ, что Николай Михайловичъ «задаетъ мнѣ тоны», что онъ самъ забавляется надъ смѣшными причудами Николева и даже надъ его слѣпотою, и что со временемъ все это я самъ увижу. Шушеринъ не предупредилъ меня, что Николевъ обѣдаетъ въ два часа съ половиной; я пріѣхалъ нарочно пораньше, то есть, въ три часа, и все таки заставилъ полчаса себя дожидаться. Это было мнѣ очень досадно и очень меня смутило. Я думалъ, что мы только двое съ Шатровымъ будемъ обѣдать у Николева; но я нашелъ тамъ и Шу-

шерина, и С. Н. Глинку, и Н. И. Ильина, и еще нѣсколько человекъ; вовсе мнѣ незнакомыхъ. Предсказанія Шатрова совершенно оправдались: обѣдъ былъ жиренъ; вкусенъ и неопрятенъ; всѣ комнаты были въ безпорядкѣ. Хозяинъ посадилъ меня возлѣ себя, ласкалъ и подчивалъ радушно. Вина было довольно, и какъ Николевъ наливалъ мнѣ изъ своей бутылки, то вино оказалось отличное, а у другихъ гостей посредственное; даже подаваемые вина особо были разнаго достоинства: хозяину подавали одно; а гостямъ другое. Въ послѣдствіи я слышалъ отъ Шатрова, что Николевъ до того вѣрилъ своей прислугѣ, особенно своему любимцу камердинеру и дворецкому; что не было возможности самымъ близкимъ людямъ убѣдить его въ неряшествѣ его слугъ и плутняхъ его любимца. Николевъ, кромѣ поэзіи, имѣлъ претензію быть и гастрономомъ, и политикомъ, и свѣтскимъ человекомъ, чѣмъ безъ сомнѣнія онъ и былъ въ свое время. За обѣдомъ и помину не было объ литературѣ; говорили о Наполеонѣ, объ его тайныхъ замыслахъ, о городскихъ новостяхъ и преимущественно о скандальныхъ исторіяхъ. Хозяинъ представлялъ любезнаго весельчака: смѣялся и заставлялъ смѣяться, рассказывая множество нескромныхъ анекдотовъ «веселаго прошедшаго времени», которые непріятно было слышать изъ устъ слѣпаго старика. Вообще можно было замѣтить, что Николевъ нѣкогда живалъ въ знатномъ кругу и былъ извѣстенъ при дворѣ. Н. И.

Ильинъ сидѣлъ подлѣ меня, и я возобновилъ съ нимъ Петербургское знакомство. Въ обращеніи Ильина была всегда какая-то важная чопорность, которая именно тогда особенно кинулась мнѣ въ глаза, равно какъ и его высокое о себѣ мнѣніе; со мною онъ былъ благосклонно ласковъ и звалъ меня къ себѣ. На другомъ концѣ стола председательствовалъ Шатровъ; по порученію хозяина, онъ всѣхъ угощалъ и, зная наизусть его нравъ, старался поддержать шумную веселость гостей; Шушеринъ усердно помогалъ ему. Когда встали изъ-за стола, Николевъ взялъ меня подъ руку и вмѣстѣ со мною отправился въ гостиную; мы шли впереди всѣхъ. Хозяинъ спросилъ меня: «не правда ли, что у меня довольно весело?» Я, разумеется, отвѣчалъ утвердительно и горячо. «Нынче пропадаетъ умѣнье жить весело», сказалъ съ сожалѣніемъ весьма довольный собою хозяинъ. Я понялъ, что Николеву нуженъ вожакъ и довольно некусно исполнилъ это дѣло: то есть, велъ его такъ, какъ будто мы шли вмѣстѣ; онъ сѣлъ на диванъ, а гости разсѣлись около него; подали кофе, ромъ и ликеръ. Я замѣтилъ, что всѣ были довольно веселы. Разговоръ не замедлилъ склониться къ литературѣ или, лучше сказать, Шатровъ не замедлилъ круто своротить его на эту дорогу, обратившись съ просьбою, отъ имени всѣхъ, чтобы великій Николевъ, безконечно разнообразный въ своихъ твореніяхъ, прочелъ что-нибудь изъ своихъ эротическихъ и сати-

рическихъ сочиненій. Хозяинъ не замедлилъ согласиться, началъ читать и читалъ очень много, основываясь на томъ, что я, какъ новичекъ въ Москвѣ и въ литературѣ, ничего еще не слыхивалъ изъ его заповѣдныхъ мелочей и шалостей.

Ничего изъ слышаннаго мною не сохранилось въ моей памяти; помню только, что Николевъ прочелъ всѣмъ извѣстную тогда пародію на Тредьяковскаго, которую я зналъ наизусть еще въ Петербургъ:

Азь Тредьяковскій, строгій *пѣнта*,
 Краснаго слога борзый *писецъ*,
 Сирѣчь чья стопно мысль грановита —
 Что же бы въ рифму? Русскій пѣвецъ.
 Брякну стихами пѣсни похвальны
 Ратничкамъ Русскимъ, аки Руссакъ:
 Прочь скоротечно мысли печальны!
 Васъ не изволю слушать никакъ; и пр. (*).

Тутъ только я узналъ, что она принадлежала Николеву. Часа черезъ два Николевъ легъ спать, и гости разъѣхались. Черезъ нѣсколько дней я былъ у Николева одинъ по утру, согласно его приглаше-

(*) Эта пародія была напечатана въ 4-мъ томѣ «Твореній» Николева, (1797) подъ названьемъ: «Ода 1-я Россійскимъ солдатамъ на взятіе крѣпости Очакова сего 1796-го года, Декабря 6-го, сочиненная отъ лица нѣкоего древняго Россійскаго пѣнты; она начинается такъ: «Азь чудопѣвецъ» и пр.

Годъ поставленъ не вѣрно. Очаковъ взятъ въ 1788 году.

Поздн. прим. сочинителя.

нію и моему обьщанію. Мальчикъ отъ него не отходилъ, часто исполняя разныя его приказанія. Вѣроятно, онъ давно служилъ при своемъ господинѣ; онъ былъ такъ наметанъ, что по одному знаку безъ словъ отгадывалъ, что ему нужно, и всегда стоялъ противъ своего барина. Разговоръ не долго держался на постороннихъ предметахъ и скоро перешелъ къ сочиненіямъ хозяина. Читая какую-то пьесу наизусть, онъ запнулся, сдѣлалъ знакъ рукой мальчику, и тотъ сейчасъ бросился къ шкафу, досталъ изъ него и принесъ, кажется, пять большихъ книгъ, въ листъ, въ переплетъ, но рукописныхъ; это были сочиненія Николева (*). Онъ попросилъ меня, чтобы я въ такомъ-то томѣ отыскалъ такую-то пьесу и началъ бы ее читать вслухъ. Едва я дошелъ до того мѣста, гдѣ поэтъ остановился, какъ онъ вспомнилъ забытый стихъ и продолжалъ уже декламировать самъ. Подобное обстоятельство, случившееся еще нѣсколько разъ, конечно изобличало слѣпоту Николева; но онъ и тутъ продолжалъ прежнюю комедію: заглядывалъ ко мнѣ въ книгу, какъ будто справляясь, не ошибся ли я, потомъ бралъ ее въ руки и, какъ будто по книгѣ, продолжалъ чтеніе начатой мною пьесы. Были ошибки, пожалуй, смѣшныя, но скорѣе

(*) Сочиненія Николева были давно напечатаны (1795—1797); отъ чего подали намъ рукописныя — не знаю. Вѣроятно, это были сочиненія исправленныя и дополненныя самимъ авторомъ.

жалкія. Въ стихотвореніяхъ Николева было множество примѣчаній, разумѣется, писанныхъ прозою; ихъ всѣ читалъ уже я, и авторъ слушалъ съ наслажденіемъ. Онъ придавалъ великую важность своимъ примѣчаніямъ и весьма наивно говорилъ, что тутъ скрыта бездна знаній и учености, и что однѣ примѣчанія могли бы составить великую славу ихъ сочинителю. О новѣйшихъ писателяхъ по большей части онъ говорилъ съ насмѣшкою или презрѣніемъ. Мнѣ очень хотѣлось выслушать всего «Малекъ-Аделя», но авторъ не сталъ читать, откладывая это до другаго времени. Въ послѣдствіи, бывая довольно часто у Николева, я слышалъ нѣсколько сценъ изъ «Малекъ-Аделя», но всегда при другихъ посѣтителяхъ, на единѣ же онъ никогда не читалъ мнѣ своей трагедіи. Вѣроятно, Николеву одного меня или вообще одного слушателя, было мало, потому что въ присутствіи Шатрова и Глинки онъ охотно разыгрывалъ нѣкоторыя сцены; всей пьесы я никогда не слышалъ, а потому и содержанія ея хорошенько не знаю.— Предсказанія Шущерина оправдались: Шатровъ мало по малу началъ при мнѣ подшучивать надъ Николевымъ и особенно надъ его стараніемъ скрывать свою слѣпоту. Конечно, эта странная слабость, казалось бы несвойственная умному человѣку, какъ то уменьшала то сожалѣніе, которое чувствуется всѣми къ человѣку, лишенному зрѣнія. Обманъ являлся такъ явнѣ, что иногда нельзя было не улыбнуться; но

Шатровъ наводилъ Николева наглымъ образомъ на смѣшные промахи и ставилъ его въ каррикатурныя положенія, даже до неприличія. Это были совершенно школьничьи шутки, которыя меня никогда не забавляли, а также и С. П. Глинку; но Шушеринъ очень ими потѣшался и даже подстрекалъ Шатрова къ разнымъ выдумкамъ. Что за мудреное созданіе человѣкъ! Шатровъ любилъ Николева, какъ близкаго роднаго, ухаживалъ за нимъ во время его болѣзни, развлекалъ во время скуки, видѣлъ въ немъ великаго писателя, прибавляя по секрету, что у него много и дряни, — и тотъ же Шатровъ ругался надъ слѣпотой Николева и задыхался отъ сдержаннаго смѣха, когда слѣпецъ натыкался на поставленный ему стулъ и больно ушибался (*).

Я вторично встрѣтился съ Н. И. Ильинымъ, кажется, на литературномъ вечерѣ у Ѳ. Ѳ. Кокошкина. Ильинъ съ благосклонною важностью опять пригласилъ меня къ себѣ, и я на другой день поѣхалъ къ нему; жилъ онъ ужасно далеко, гдѣ-то за Красными воротами, въ деревянномъ ветхомъ домишкѣ, помнится, своей сестры. Онъ помещался очень тѣсно, въ небольшомъ чуланѣ, который съ важностью называлъ своимъ «рабочимъ кабинетомъ». Все обличало большой недостатокъ состоянія, и въ тоже время ярко

(*) Черезъ восемь лѣтъ Шатровъ ослѣпъ и прожилъ еще слишкомъ двадцать лѣтъ.

и каррикатурно прикрывалось великольпіемъ обращенія. По важности пріемовъ и тона можно было принять Ильина за богатаго вельможу, а ветхость шлафорка и всей обстановки обличали въ немъ бѣдняка. Мнѣ сей часъ пришелъ въ голову Испанскій дворянинъ, Донъ Ранудо де Калибрадосъ, выведенный въ комедіи Коцебу, который, три дня не ѣвши, ковырялъ въ зубахъ. Вспоминая теперь объ этихъ людяхъ, я нахожу, что Ильинъ и Николевъ разыгрывали одну и ту же комедію: слѣпой представлялъ зрячаго, а бѣднякъ знатнаго богача. Ильинъ принялъ меня однако съ большою вѣжливостію и даже ласкою, не теряя впрочемъ своего высокаго достоинства. У этого господина было такое же огромное самолюбіе, какъ у Шатрова и Николева, но онъ умѣлъ его скрывать въ Петербургѣ. Я видѣлъ его по крайней мѣрѣ двадцать разъ у Шушерина, и не болѣе, какъ за годъ; тогда это былъ совсѣмъ другой человекъ. Ну, подумалъ я, какъ разбухаетъ авторское самолюбіе въ Москвѣ! Впрочемъ это было справедливо только въ отношеніи къ тремъ сочинителямъ, сей часъ мною названнымъ, принадлежавшимъ къ особому кругу людей съ отсталыми понятіями. Сценическіе успѣхи Ильина вскружили ему голову. Въ самомъ дѣлѣ, «Лиза или торжество благодарности» и «Рекрутскій наборъ», пьесы точно съ нѣкоторымъ достоинствомъ, особенно последняя, — производили при своемъ появленіи, и въ Москвѣ и въ

Петербургъ, такое сильное впечатлѣніе, даже восторгъ, какого не бывало до тѣхъ поръ, какъ мнѣ сказывали старожилы-театралы. Я видѣлъ много разъ эти пьесы на сценѣ, когда онѣ были уже не новость, и могу засвидѣтельствовать, что публика и плакала на взрыдъ, и хлопала до неистовства: въ Петербургъ поменьше, въ Москвѣ побольше. Говорятъ, вызовъ, на сцену авторовъ начался съ Ильина (*). Въ послѣднее время онъ ничего уже замѣчательнаго не писалъ и отдыхалъ на лаврахъ. Самолюбіе Н. И. Ильина довольно выражается тѣмъ, что онъ въ послѣдствіи одну изъ своихъ ничтожныхъ театральныхъ пьесокъ, печатно посвятилъ «Великому своему учителю Фонъ-Визину.» Въ этотъ разъ я замѣтилъ въ Ильинѣ еще другую слабость, которая и тогда уже развивалась въ немъ наравнѣ съ авторскимъ самолюбіемъ, а въ послѣдствіи выросла до нелѣпыхъ и гибельныхъ размѣровъ — слабость къ знати. Онъ безпрестанно упоминалъ о своемъ близкомъ знакомствѣ съ знатными людьми: графы, князья, генералы и дѣйствительные тайные совѣтники не сходили у него съ языка. У князя Юсупова онъ ужиналъ, у княгини Н. Н. завтракалъ, у графа Шереметева обѣдалъ, у графини Н. Н. былъ на балѣ, съ его высокопревосходительствомъ

(*) Кажется, это несправедливо: Н. П. Николевъ былъ вызванъ за свою «Сорену» въ 1783-мъ году, три представленія сряду. «Памятникъ друзей Н. П. Николеву», стр. 21.

ѣздилъ на охоту, со всѣми короткій другъ—только у него было и рѣчей. Мнѣ стало это гадко, и когда онъ предложилъ мнѣ свое покровительство, чтобъ познакомиться меня въ нѣкоторыхъ знатныхъ домахъ, то я съ горячностью молодости выразительно ему отвѣчалъ, что ищу знакомства людей, отмѣченныхъ дарами Божьими, а не знатностью. Ильинъ осудилъ мою выходку и сказалъ что-то въ родъ наставленія. Когда я собирался уѣхать, благосклонный хозяинъ спросилъ меня, куда я ѣду; я отвѣчалъ, что домой, то есть, въ домъ, нанимаемый моимъ семействомъ въ Старой Конюшенной.—«Въ чемъ вы прѣехали?»—«На извозчикъ,» отвѣчалъ я.—«Ну такъ я васъ довезу. Мнѣ самому надобно ѣхать въ Старую Конюшенную къ княгинѣ Н. Н.: я у нея обѣдаю;» сказалъ Ильинъ, свистнулъ, и видя, что никто не идетъ, принялся звонить въ колокольчикъ; наконецъ пришелъ старый слуга, очень бѣдно одѣтый, и хозяинъ величественно сказалъ: «прикажи кучеру Федору заложить мнѣ возокъ или лучше сани, потому что дорога дурна (тутъ послѣдовало молчаніе): въ корень—оленя, на пристяжку — куницу.» Лакей отвѣчалъ, что лошади давно готовы. Хозяинъ попросилъ позволенія одѣться и вышелъ; одѣвался очень долго; я проклиналъ себя, что не отказался отъ его предложенія. Наконецъ пришелъ, одѣтый съ большой изысканностью и претензіей на щегольство, считавшій себя въ тоже время красавцемъ, ужасно надоѣв-

шій мнѣ, П. И. Ильинъ, и мы вышли на крыльце. Увы! олень и куница оказались такими клячами, что мы едва дотащились до Старой Конюшенной, а баринъ безпрестанно приказывалъ сдерживать лошадей по причинѣ дурной дороги, которая въ самомъ дѣлѣ разрушалась отъ весенняго солнца. Въ другой разъ я уже не былъ у Ильина, не смотря на скорый его визитъ и учтивыя приглашенія.

Я поспѣшилъ разсказать Шушерину мое свиданіе съ Ильинымъ и думалъ удивить его; но Шушеринъ, посмѣявшись, сказалъ мнѣ, что онъ давно знаетъ эти грѣшки за П. И., и что въ Москвѣ они пошли въ гору. Вообще Шушеринъ былъ очень уменъ и зналъ насквозь всѣхъ своихъ знакомыхъ; онъ любилъ посмѣяться надъ слабостями своего ближняго за глаза, и даже въ глаза, но такъ искусно, что ни съ кѣмъ не ссорился; онъ умѣлъ держать себя прилично въ разныхъ слояхъ общества. Я бывалъ съ нимъ вмѣстѣ на литературныхъ вечерахъ у Ѳ. Ѳ. Кокошкина, у котораго обыкновенно собирались Каченовскій, Мерзляковъ и Ѳ. Ѳ. Ивановъ, сочинитель драматическихъ пьесъ: «за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ» и «Не бывать фатъ» — пьесъ, которыя въ свое время имѣли значительный успѣхъ. Ивановъ слылъ большимъ острякомъ, и въ самомъ дѣлѣ былъ остроумный и веселый собесѣдникъ. Пріѣзжали иногда гр. Салтыковъ, Вельяшевъ-Волынцевъ, Смирновъ, зять Мерзлякова, и другіе; Шушеринъ велъ себя съ боль-

шимъ тактомъ со всѣми. Кокошкинъ иногда читалъ на этихъ вечерахъ свой переводъ Мольерова Мизантропа и просилъ замѣчаній. Замѣчанія Каченовскаго всегда были очень дѣльны, но умѣренны, а Мерзляковъ, бывавшій по вечерамъ обыкновенно веселѣе, часто нападалъ безпощадно на переводчика. Одинъ разъ Кокошкинъ, выведенный изъ терпѣнья его безпрестанными придирками, положилъ рукопись на столъ, очень важно сложилъ руки и сказалъ: «Да помилуйте, Алексѣй Федорычъ, предоставьте же переводчику пользоваться иногда *стихотворной вольностью*.» — «Стихотворная вольность состоитъ въ томъ, чтобъ писать хорошо», возразилъ Мерзляковъ, произнося слова своимъ Пермскимъ выговоромъ на о. Всѣ громко засмѣялись и одобрили такой отвѣтъ. Но едва ли кто больше Мерзлякова пользовался такъ называемой стихотворной вольностью, въ которой онъ такъ рѣзко отказывалъ Кокошкину, — особенно въ своихъ переводахъ Гасса, изъ которыхъ отрывки онъ также иногда читывалъ у Кокошкина.... и никто кромѣ Каченовскаго не дѣлалъ ему никакихъ замѣчаній, да и тѣ были весьма снисходительны. Я тутъ же сообщалъ потихоньку Шушерину на ухо мои критическія замѣтки и одинъ разъ попросилъ у него совѣта: «не сказать ли мнѣ моихъ замѣчаній самому Мерзлякову?» Но Шушеринъ удержалъ меня, сказавъ: «ну, полно, любезный другъ, что тебѣ за охота? Вѣдь ты еще юноша, а это знаменитый мужъ, профессоръ

словесности. Разумей про себя и не дѣлай самъ того, что критикуешь у Мерзлякова.» Я послушался Шушерина и конечно сдѣлалъ хорошо. Нѣтъ однако никакого сомнѣнія, что переводъ Кокоскина много обязанъ своимъ достоинствомъ, правильностью и (по тогдашнему) чистотою языка, строгимъ замѣчаніямъ Мерзлякова.

Шушеринъ присутствовалъ также при чтеніи моего перевода Мольеровой комедіи «Школа мужей», которую я долженъ былъ наконецъ прочесть Николеву, по настоятельному его требованію. На чтеніе были приглашены Шатровъ и Глинка. Я пріѣхалъ вмѣстѣ съ Шушеринымъ, который обратился съ убѣдительною просьбою ко всемъ присутствующимъ, чтобы они меня не щадили и прогнали *сквозь строй критическихъ розогъ*. «Это будетъ тебѣ полезно, сказалъ онъ мнѣ, отведя меня въ сторону; ты же любишь самъ критиковать, такъ попробуй на себѣ; я вѣдь нарочно подбилъ Николева, чтобъ онъ потребовалъ этого чтенія». Я былъ озадаченъ и смущенъ, и даже не совсѣмъ доволенъ; но Шушерина это забавляло и онъ трунилъ надо мной въ началѣ чтенія. Я читалъ первый актъ неудачно, такъ что Шушеринъ выходилъ изъ терпѣнья. «Что съ тобой сдѣлалось? говорилъ онъ мнѣ. Неужели ты струсилъ? Какъ тебѣ не стыдно, вѣдь это все шутка!» На второмъ актѣ я ободрился и дочиталъ хорошо свой переводъ. Замѣчаній дѣлали много, которыми я потомъ и вос-

пользовался; но по окончаніи піесы, очень хвалили и переводъ и чтеніе. Я успокоился и былъ очень благодаренъ Шушерину.

Между тѣмъ кончилъ я свой переводъ «Филоктета». Прочитавъ его сначала у Кокошкина, прочелъ и Николаеву, въ присутствіи Глинки и Шатрова. Тогда не скупы были на похвалы, и право смѣшно вспомнить, какъ они хвалили меня за этотъ переводъ! Даже замѣчаній дѣлали мало, отговариваясь тѣмъ, что нечего замѣчать.

Остальное время пребыванія моего въ Москвѣ, до 15-го Іюня, было исключительно поглощено двумя спектаклями, въ которыхъ игралъ Шушеринъ, о чемъ я довольно говорилъ въ моихъ о немъ воспоминаніяхъ. Частыя свиданія съ Кокошкинымъ у директора театра А. А. Майкова, на репетиціяхъ въ самомъ театрѣ, которыя однако я слушалъ часто издали или стоя за другими, потому что Шушеринъ не пускалъ меня на аван-сцену, свиданія на предварительныхъ частыхъ пробахъ у Кокошкина въ домъ, гдѣ я довольно наслушался, какъ хозяинъ ставилъ на роль «Энея» молодого дебютанта Дубровскаго, вовсе не имѣвшаго таланта и физическихъ силъ для сцены, — сблизили меня съ Кокошкинымъ, не смотря на несходство нашихъ лѣтъ и свойствъ.

Во время представленія «Дидоны», я увидѣлъ Ильина въ креслахъ; онъ не сѣлся на свое мѣсто, а картинно стоялъ у самаго оркестра, прислонясь къ бенуару, у всѣхъ на виду, безпрестанно кланяясь съ

знакомою знатю и разговаривая во время антрактовъ съ проходившими мимо него московскими джентельменами изъ первыхъ рядовъ кресель. Изрѣдка онъ какъ-то величественно аплодировалъ Шушерину. Я сидѣлъ отъ него въ двухъ шагахъ и слышалъ, съ какимъ достоинствомъ и лаконизмомъ отвѣчалъ онъ одному молодому франту, разумеется, не князю и не графу, который подскочилъ къ нему съ словами: «что это Шушеринъ все дрожить: это нынче не въ модѣ?»—«Хорошее всегда въ модѣ»,—и закричалъ браво Шушерину.

По окончаніи трагедіи, многочисленная публика при громъ общихъ рукоплесканій, вызвала Шушерина, но дальновидный и разсчетливый старикъ вышелъ, ведя съ собою Борисову и Дубровскаго..... Онъ хорошо зналъ, какъ это будетъ пріятно директору и особенно Кокошкину, благосклонностью котораго очень дорожилъ.

Этимъ ограничиваются мои литературныя и театральныя воспоминанія 1812-го года.

1815-й ГОДЪ.

Глубокой осенью, 1815 года, пріѣхали мы въ Москву. Я былъ въ ней проездомъ въ 1814-мъ году, всего на однѣ сутки, и у меня осталось въ памяти безконечное, печальное пожарище. Но теперь Москва представляла другое, болѣе отрадное зрѣлище. Ко-

нечно, слѣды исполинскаго пожара еще не были изглажены: огромные обгорѣлые каменные дома, кое-какъ прикрытыя старымъ желѣзомъ, окна, за-дѣланныя деревянными досками съ нарисованными на нихъ рамами и стеклами, съ красными и закоп-тѣлыми полосами и пятнами по стѣнамъ, печальны-ми знаками пламени, за три года вылетаващаго изъ всѣхъ отверстій здачїя, пустыри съ обгорѣлыми фун-даментами и печами, заросшіе густою травою, искре-щенныя прямыми тропинками, проложенными и про-топтанными разсѣтливыми пѣшеходами, самая новизна, свѣжесть множества деревянныхъ прекрасной новѣй-шей архитектуры домовъ, только что отстроенныхъ или строящихся, — все краснорѣчиво говорило о недавнемъ посѣщенїи Европы..... Но не грустно бы-ло смотрѣть на возникающую изъ пепла Москву. Она сгорѣла не даромъ: палъ великій завоеватель, освобождена явно благословлявшая насъ, а втайнѣ уже замышлявшая козни Европа, имя Русскаго на-рода стояло на высшей степенн славы, и не грустно, а весело было смотрѣть на шумно строящуюся, не-прибранную, заваленную строительными припасами, Москву.

Мы наняли также новенькій домъ, только что от-дѣланный, купца Чернова на Молчановкѣ. Я поспѣ-шилъ возобновить свои литературныя знакомства. Шу-шерина и Николева уже не было на свѣтѣ: Нико-

левъ умеръ въ этомъ же году, 24-го Января (*). Съ Ильинымъ я видался рѣдко, а съ Шатровымъ еще рѣже; съ Кокошкинымъ же и съ Сер. Ник. Глинкою, напротивъ, видался я очень часто. При первомъ взглядѣ, мнѣ кинулось въ глаза какое-то особенное выраженіе въ лицѣ Сер. Ник. Глинки, котораго я прежде не замѣчалъ: какъ бы слѣдъ прожитаго необычайнаго времени; это выраженіе сохранилось навсегда. Глинка, при первой встрѣчѣ со мною, напомнилъ мнѣ наше последнее свиданье и прощанье въ Іюнь 1812-го года. Я тогда былъ такъ еще молодъ, что все справедливыя опасенія Глинки на счетъ возникающей военной грозы и страшныхъ силъ Наполеона казались мнѣ преувеличенными, а угрозы взять Москву и Петербургъ — намѣреніемъ запугать насъ и заставить заключить невыгодный для насъ миръ. Такъ думалъ не одинъ я; были люди постарше и поопытнѣе меня, разумѣвшіе, казалось, военныя и политическія дѣла, которые говорили, что у Наполеона закружилась голова, что онъ затѣялъ дѣло не возможное, что это мечта, гасконада. Конечно, дѣйствительность показала недальновидность этихъ людей; но давно ли мы все считали высадку Англичанъ и Французовъ въ Крымъ, въ такихъ гигантскихъ размѣрахъ, — совершенно невозможною?... И такъ

(*) Памятникъ друзей Николаю Петровичу Николеву. Москва, 1819-го года, стр. 10.

должно отдать справедливость провидѣнію Глинки: онъ и въ Іюнь 1812-го года не надѣялся, чтобы мы могли отразить военную силу — военною же силою. Онъ надѣялся на народную войну, на твердость правительства, и не ошибся. Много наслушался я любопытнѣйшихъ разказовъ отъ С. П. Глинки, который самъ былъ дѣйствующимъ лицомъ въ этомъ великомъ событіи; долго, при каждомъ свиданіи, я упрасивалъ его разказать еще что-нибудь (*); но все имѣетъ свой конецъ, и незамѣтно перешли мы съ нимъ отъ событій громадныхъ къ мелкимъ дѣламъ, житейскимъ и литературнымъ.

Въ 1812-мъ году, когда Императоръ Александръ прѣзжалъ въ Москву, Сер. Ник. Глинка получилъ орденъ Св. Владиміра 4-ой степени «за любовь къ отечеству, доказанную сочиненіями и дѣяніями», какъ сказано было въ Высочайшемъ рескриптѣ. Я самъ читалъ этотъ рескриптъ: онъ особенно замѣчателенъ потому, что былъ написанъ на листочкѣ самой простой почтовой бумаги и написанъ рукою А. С. Шишкова. Это обстоятельство вполне выражаетъ время: видно тогда было не до того, чтобы соблюдать обыкновенныя приличія и формы. Въ настоящее время Глинка имѣлъ довольно большой пансіонъ для дѣтей

(*) Въ 1812-мъ году С. П. Глинка выдалъ книгу подъ названіемъ «Записки о 1812-мъ годѣ С. Г., перваго ратника Московскаго ополченія», но въ этихъ запискахъ помѣщены далеко не все его разказы.

генераловъ и офицеровъ Донскаго казачьяго войска и продолжалъ издавать «Русской Вѣстникъ» съ большимъ успѣхомъ.

У П. П. Ильина, который сталъ еще важнѣе отъ какихъ-то своихъ успѣховъ по службѣ, я нашелъ, совершенно неожиданно, рукописный экземпляръ переведеннаго мною Филоктета, списанный рукою Шушерина собственно для себя. Передъ Французами онъ далъ этотъ экземпляръ прочесть Пльину, который не слыхалъ моего перевода. Въ суматохѣ бѣгства изъ Москвы, оба забыли объ этой рукописи. Шушеринъ вскорѣ умеръ, и она осталась у Ильина, который вспомнилъ о ней только тогда, когда я сказалъ, что у меня нѣтъ черноваго списка перевода Филоктета, а посланный экземпляръ въ цензуру, передъ нашествіемъ непріятеля, пропалъ безъ вѣсти. Я обрадовался моей находкѣ, и хотя Ильинъ не уступилъ мнѣ своего списка, но позволилъ снять копію. Я немедленно напечаталъ свой переводъ *въ пользу бѣдныхъ*. . . но увы, бѣднымъ пришлось бы не выручить своихъ денегъ, еслибъ трагедія была напечатана на ихъ счетъ: всего разошлось экземпляровъ семьдесятъ, а остальные сгнили въ кладовыхъ у Ширяева (*), или проданы на вѣсъ для издѣлій изъ папье-маше.

Кокоскинъ мнѣ очень обрадовался, и я ему. Деревянный домъ его на Арбатѣ сгорѣлъ, и онъ купилъ

(*) Первый тогдашній книгопродавецъ.

себѣ огромный каменный домъ у Арбатскихъ воротъ, гдѣ Мерзляковъ читалъ свои публичныя лекціи о Русской литературѣ и гдѣ въ послѣдствіи было столько прекрасныхъ благородныхъ спектаклей. Въ Кокошкинѣ не замѣтно было, что онъ пережилъ такую великую историческую годину: объ ней и рѣчи не было. Онъ весело встрѣтилъ меня литературными и театральными новостями, точно какъ будто ничего не случилось важнаго съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались. «Милый, какъ я вамъ радъ! восклицалъ Кокошкинъ, обнимая меня при первомъ нашемъ свиданіи, какъ кстати вы пріѣхали: Алексѣй Ѳедоровичъ у меня въ залѣ читаетъ публичныя лекціи, и конечно ничего подобнаго Москва не слыхивала; я рѣшился поставить на сцену моего Мизантропа (онъ всегда называлъ его *мой*), я теперь весь погруженъ въ репетиціи — работы по горло. Ваши совѣты будутъ мнѣ полезны (разумѣется, это была учтивость). Кажется, я могу вамъ поручиться за два главныя персонажа: за Мочалова (*) въ Крутопѣ и за Львову-Синецкую въ Прелестинѣ. Ахъ, да вы и не знаете ея! Какой я нашелъ талантъ для Москвы, — и гдѣ же? — Въ Рязани, куда я уѣзжалъ отъ Французовъ. Синецкой 19-ть лѣтъ, собою прелестъ, страстно любитъ театръ, умна и готова учиться съ утра до вечера. Поѣдемте

(*) Степанъ Ѳедоровичъ Мочаловъ, отецъ нашего незабвеннаго П. С. Мочалова.

же завтра на репетицію, и я вамъ ее представлю; впрочемъ она не служитъ еще при театрѣ, а играетъ въ первый разъ, какъ дилетантка. Безъ нея конечно я не далъ бы Мизантропа. Что касается до Мочалова, то я самъ не ожидалъ, чтобъ онъ былъ такъ хорошъ въ Крутонѣ. Вы оставили Мочалова въ 12-мъ году весьма плохимъ актеромъ, но у него вдругъ открылся талантъ, и онъ сдѣлался любимцемъ публики; талантъ у него точно есть, и большой, но искусства, искусства мало. Я боялся двухъ вещей: во-первыхъ, что онъ не выучитъ роли (это его большой порокъ) и станетъ перевертывать стихи, и во-вторыхъ, что онъ будетъ дурень во Французскомъ кафтанѣ; но ему такъ хотѣлось дать Мизантропа себѣ въ бенефисъ, что онъ заранѣе выпросилъ у меня пьесу и выучилъ роль претвердо. Я заставляю его репетировать во Французскомъ кафтанѣ со шпагой и треугольной шляпой—и вы удивитесь, какъ онъ ловко себя держитъ; съ его прекрасной наружностью и талантомъ онъ произведетъ большой эффектъ... но чего мнѣ это стоило и стоитъ: этого никто, кромѣ васъ, не оценитъ! Ну, да завтра вы все увидите». Хотя я самъ очень любилъ театръ, но не могъ не улыбнуться, слушая Кокошкина, который все это говорилъ съ такимъ театральнымъ жаромъ, какъ будто онъ игралъ роль человѣка, помѣшаннаго на любви къ театру. Вообще въ словахъ Кокошкина слышна была напыщенность, декламація, и это отнимало искренность у

его рѣчи, касающейся даже предмета, страстно имъ любимаго.

Мнѣ удалось слышать только одну лекцію Мерзлякова, именно ту, въ которой онъ разбиралъ Дмитрія Донскаго, и разбиралъ очень строго и справедливо. Не смотря на убедительныя и ясныя доказательства профессора, почти все слушатели нашли такой разборъ любимой трагедіи пристрастнымъ и недоброжелательнымъ, даже осердились за него. Стихи Озерова, послѣ Сумарокова и Княжнина, такъ обрадовали публику, что она, восхитившись сначала, продолжала семь лѣтъ безотчетно ими восхищаться, съ благодарностью вспоминая первое впечатлѣніе, — и вдругъ, публично съ кафедры ученый педантъ — чѣмъ былъ въ глазахъ публики всякій профессоръ — смѣетъ называть стихи по большей части дрянными, а всю трагедію — нелѣпостью. . . . волненіе было сильное. Едва ли кто нибудь изъ слушателей былъ такъ доволенъ, даже обрадованъ этой лекціей, какъ я, потому что лекція очень совпадала съ жестокимъ разборомъ Дмитрія Донскаго, написаннымъ А. С. Шишковымъ; разборъ этотъ я считалъ почти во всемъ справедливымъ. Послѣ чтенія былъ завтракъ у Кокошкина, и онъ, по моей просьбѣ, познакомилъ меня съ Мерзляковымъ; я съ горячностью высказалъ ему мое сочувствіе и уваженіе и сообщилъ о критикѣ Шишкова. Въ этотъ же день я видѣлъ въ первый и послѣдній разъ Батюшкова.

На репетицію Мизантропа я не попалъ, по какимъ-то особеннымъ обстоятельствамъ; но первое представленіе въ бенефисъ Мочалову, бывшее 15-го Декабря, я видѣлъ и не могъ забыть этого спектакля. Онъ произвелъ на меня самое пріятное и глубокое впечатлѣніе: Мочаловъ и Синецкая доставили мнѣ истинное наслажденіе, особенно Мочаловъ, потому что Синецкая была еще слишкомъ не опытна, а роль требовала искусной и опытной актрисы. Впрочемъ ея молодость, прекрасная наружность, благородство во всѣхъ движеніяхъ, необыкновенная чистота произношенія, обѣщали въ ней со временемъ замѣчательную артистку (что и оправдалось), и публика приняла ее съ громкимъ и общимъ одобреніемъ. Мочаловъ же былъ такъ хорошъ во всей пьесѣ, что я лучше его не видѣлъ актера въ роли Мизантропа. Тогда же, по окончаніи пьесы, я успѣшилъ съ нимъ познакомиться; я нашелъ въ немъ очень добраго человека, любящаго свое дѣло, но понимающаго его только по инстинкту. Въ душѣ у него было много чувства и огня.

Черезъ нѣсколько дней я уѣхалъ въ Петербургъ.

1816-й ГОДЪ.

Въ этомъ году, во время трехмѣсячнаго моего пребыванія въ Петербургъ, когда я имѣлъ счастье такъ близко узнать Державина, познакомился я са-

мымъ оригинальнымъ образомъ съ М. П. Загоскинымъ, о которомъ до тѣхъ поръ не имѣлъ никакого понятія. Живя вмѣстѣ съ полковникомъ П. П. М-мъ, въ Гарновскомъ домѣ, я находился постоянно въ кругу Измайловскихъ офицеровъ; съ нѣкоторыми изъ нихъ я былъ знакомъ очень дружески, откровенно рассказывалъ имъ все, о чемъ говорилъ съ Гавриломъ Романовичемъ Державинымъ и, кстати, о всѣхъ моихъ литературныхъ убѣжденіяхъ. Тогда еще пользовалась успѣхомъ на театрѣ комедія кн. Шаховскаго: «Липецкія воды.» Я пріѣхалъ изъ Москвы, сильно возстановленный противъ этой комедіи; ея успѣхъ на сценѣ, котораго она конечно вполне не стоила, еще болѣе раздражилъ меня. Въ откровенныхъ разговорахъ съ Державинымъ я жестоко критиковалъ «Липецкія воды». Старикъ соглашался иногда съ моими замѣчаніями и сказалъ мнѣ, чтобъ я написалъ обстоятельный разборъ комедіи кн. Шаховскаго. Я написалъ и прочелъ Гаврилъ Романовичу, въ присутствіи его домашнихъ и нѣкоторыхъ обыкновенныхъ его посѣтителей; хозяинъ во многомъ былъ одного мнѣнія со мной; но двое изъ гостей горячо затупились за кн. Шаховскаго и въ опроверженіе моихъ критическихъ замѣчаній ссылались на комедію Загоскина: «Комедія противъ комедіи или урокъ волокитамъ», которой я еще не зналъ. Разумѣется, я прочелъ мою критику и въ Гарновскомъ домѣ, не пропустивъ случая побранить Загоскина, котораго

въ глаза не видывалъ и комедіи котораго не читалъ. Хозяинъ мой, М-въ, очень забавлялся моими выходками противъ Загоскина, близкаго ему родственника, и чтобъ еще болѣе погѣшиться моею горячностью, отыскалъ, завалившуюся гдѣ-то у него «Комедію противъ комедіи», подаренную ему отъ сочинителя съ родственной надписью, и далъ мнѣ прочесть. Все общество было противъ меня, и я, по моей вспыльчивости, очень разсердился за офицерскую антикритику и даже насмѣшки. Я сталъ читать въ слухъ пьесу Загоскина съ предубѣжденіемъ, даже съ положительнымъ намѣреніемъ найти ее дурною. Безсовѣстно придирался къ каждому слову и, взбѣшенный моими антагонистами, наконецъ бросилъ подъ столъ комедію и сказалъ, что сочинитель глупъ. М-въ хохоталъ до упаду. — Чрезъ нѣсколько дней, будучи нездоровъ, я сидѣлъ одинъ дома; вдругъ съ шумомъ растворилась дверь, хозяинъ мой, М-въ, почти вбѣжалъ въ комнату, ведя за руку плотнаго молодого человѣка, бѣлаго, румянаго, съ прекрасными вьющимися каштановыми волосами и съ золотыми очками на носу. Съ неудержимой веселостью и смѣхомъ М-въ подвелъ ко мнѣ неизвѣстнаго мнѣ господина и сказалъ: «это моя роденька, Михайла Николаичъ Загоскинъ», и, обратясь къ Загоскину, продолжалъ, «а это мой Оренбургской землякъ, С. Т. Аксаковъ, который на дняхъ, читая намъ твою комедію, плюнулъ на неё, бросилъ подъ столъ и сказалъ, что авторъ

глупъ.» М-въ, очень довольный такой остроумной шуткой, принялся хохотать; но мы съ сочинителемъ комедіи стояли, какъ окаменѣлые, другъ противъ друга, каждый съ протянутою рукою — и конечно, были смѣшны. Загоскинъ, очень конфузливый и вспыльчивый отъ природы, покраснѣлъ, какъ вареный ракъ, я также, но я опомнился первый и, кое-какъ собравшись съ духомъ, сказалъ: «ваша родня, а мой пріятель, Павелъ Петровичъ, заранее придумалъ эту неприличную шутку, чтобы поссорить насъ при первомъ свиданіи и чтобы позабавиться нашей литературной схваткой.» Загоскинъ что-то пробормоталъ, и мы кое-какъ пожали другъ другу руки; но неугомонный М-въ началъ увѣрять, что все это правда. Я разсердился и весьма серьезно сказалъ ему нѣсколько жесткихъ словъ, которыя уняли и образумили его; онъ въ свою очередь сталъ извиняться и увѣрять, что онъ только хотѣлъ пошутить и что онъ очень желаетъ, чтобы мы были пріятелями. Черезъ нѣсколько минутъ, послѣ нѣсколькихъ пустыхъ фразъ, Загоскинъ, ѣхавшій куда-то на вечеръ, ушелъ. Я крѣпко поссорился съ М-мъ, даже хотѣлъ переѣхать отъ него на другую квартиру, и онъ едва упросилъ меня остаться. Надобно сказать, что М-въ, встрѣтившись нечаянно съ Загоскинымъ на улицѣ, близъ Гарновскаго дома, вспомнивъ недавно происходившее чтеніе его комедіи, захотѣлъ потѣшиться и затащилъ къ себѣ своего родственника почти насильно, увѣривъ,

что имѣеть сообщить ему что-то нужное. Можно судить, каковъ былъ сюрпризъ бѣднаго Загоскина, который не слыхивалъ даже моего имени! Я не имѣлъ духу сдѣлать визитъ ему и уѣхалъ изъ Петербурга, болѣе съ нимъ не видавшись.

Въ эти же три мѣсяца 1816-го года, столь счастливые для меня на знакомства съ замѣчательными людьми, увидѣлся я въ первый разъ съ кн. А. А. Шаховскимъ, и увидѣлся весьма непріятно. Я упомянулъ объ этомъ мимоходомъ, говоря о знакомствѣ съ Державинымъ, а теперь долженъ коснуться подробнѣе и отчасти повторить уже сказанное мною. Дѣло состояло въ томъ, что князь Шаховской, не смотря на свое дѣтское добродушіе, любилъ выказывать себя ѣдкимъ острякомъ и вообще былъ способенъ къ крайнему предубѣжденію. Онъ не благоволилъ къ О. О. Кокошкину, не благоволилъ къ его переводу Мольерова Мизантропа; поморщился, что М. И. Вальбергъ выпросила себѣ эту пьесу въ бенефисъ, и сдѣлалъ прекислую гримасу, когда я пріѣхалъ къ нему съ рукописью и письмомъ, въ которомъ Кокошкинъ предоставлялъ мнѣ свое право — поставить Мизантропа на Петербургской сценѣ. Мнѣ рассказывалъ покойный Я. Г. Брянскій, находившійся свидѣтелемъ перваго моего свиданія съ кн. Шаховскимъ и бывшій со мною въ послѣдствіи въ пріязненныхъ отношеніяхъ, что Шаховской, принявшій меня весьма сухо и отдѣлавшійся отъ меня въ

нѣсколько минутъ, послѣ моего ухода, разразился цѣлымъ потокомъ насмѣшекъ и брани на мою невинную личность. Шаховскаго трудно передразнить (*), еще труднѣе передать на бумагѣ его смѣшное бормотанье, какое-то особенное пришепетыванье, его горячность и скороговорку, которая иногда доходила до такого глотанья словъ, что нельзя было понять, чтó онъ говоритъ; а потому я буду приводить его разговоры обыкновеннымъ образомъ, кромѣ нѣкоторыхъ словъ, чтó конечно моимъ читателямъ, не знавшимъ лично кн. Шаховскаго, не передастъ его рѣчи. — Только что я вышелъ за дверь (сказывалъ Брянскій), кн. Шаховской вскочилъ съ кресель, хватилъ себя ладонью по лысинѣ (это былъ его обыкновенный пріемъ, выраженіе вспышки), забормоталъ, затрещалъ и запищалъ своимъ въ высшей

(*) Одинъ только Сосницкій, въ роли Фальстафа, по совѣту самого же кн. Шаховскаго, умѣлъ мастерски передразнить его на сценѣ; но и тутъ произношеніе было передано не совсѣмъ вѣрно; за то весь комизмъ его фигуры, походка, движеніе рукъ, всѣ пріемы и манеры, и даже вся мимика лица, были переданы въ совершенствѣ. Мнѣ рассказывали, что самъ же Шаховской, восхищавшійся на репетиціяхъ искусствомъ Сосницкаго, на настоящемъ представленіи разсердился на своего любимца и ученика и нашелъ его игру каррикатурною. Копія была такъ похожа на оригиналь, что въ креслахъ поднялся хохотъ, послышались восклицанія: «это Шаховской, это князь Шаховской!», и послѣдовало такое продолжительное хлопанье, что актеры принуждены были на время остановиться въ представленіи пьесы. Повторяю, что я говорю слышанное мною: перваго представленія пьесы я не видалъ.

степени фальшивымъ голосомъ: «Эго что еще? дулякъ Кокоскинъ переложилъ глупѣйшимъ образомъ на Лускіе нравы несчастнаго Мольера и прислалъ къ намъ изъ Москвы какого-то дуляка ставить свой переводъ, какъ будто бы я безъ него не умѣлъ этого сдѣлать! Этотъ Кокоскинъ, этотъ накрахмаленный галстукъ, который не умѣетъ разинуть рта по человѣчески, хочетъ учить меня и всѣхъ Петербургскихъ артистовъ, черезъ своего друга, какъ надобно разыграть Мольерову піесу! Да изъ этого надобно сдѣлать водевилъ въ слѣдующій бенефисъ Марьи Ивановны. Хорошо! Мы позовемъ его повѣреннаго на лепетицію. Разумѣется, его никто не будетъ слушать; за то онъ насъ посмѣшитъ (*)». Въмѣсто того, чтобъ пригласить меня, какъ это водится, прочесть піесу артистамъ, въ ней играющимъ, кн. Шаховской самъ читалъ имъ переводъ Мизантропа, и тотъ же Брянскій сказывалъ мнѣ, что они не могли удержаться отъ смѣху, слушая Шаховскаго, который, браня Кокоскина почти послѣ cadaго стиха, до того горячился и до того былъ смѣшенъ, что никто не понималъ ни одного слова изъ піесы, и что наконецъ Шаховской самъ расхохотался..... такъ и кончилась считка на 1-мъ актѣ. — Меня пригласили

(*) Передать рѣчь кн. Шаховскаго потому невозможно, что онъ иногда не выговаривалъ буквы *р*. иногда *с*, иногда *ш*; а въ иныхъ случаяхъ эти же самыя буквы произносилъ хорошо, а коверкалъ совсѣмъ другія.

на первую репетицію. Актеры читали скоро и довольно твердо, но заглядывали иногда въ роли. Мнѣ показалось, что многое понято не такъ и не такъ выражается, какъ слѣдуетъ; а потому, по выслушаніи пьесы, я весьма скромно сказалъ о томъ кн. Шаховскому, прибавя, что О. О. Кокошкинъ, мастерское чтеніе и сценическій талантъ котораго, а также знаніе театральнаго искусства, признаны всѣми, не одинъ разъ читалъ мнѣ свой переводъ, именно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ я могъ прочесть его Петербургскимъ артистамъ и чтобъ они изъ моего чтенія поняли, чего желаетъ въ ихъ игрѣ переводчикъ Мизантропа. Я заключилъ свою рѣчь просьбою: позволить мнѣ прочесть піесу гг. участвующимъ актерамъ и актрисамъ. К. Шаховской, саркастически прищуря свои маленькіе глаза и нюхая табакъ своимъ огромнымъ носомъ или, лучше сказать, нюхая кончики своихъ пальцевъ, вымаранныхъ когда-то въ табакъ, отвѣчалъ мнѣ, что трудъ мой былъ бы напрасенъ, что Петербургскіе артисты не стануть играть по Московски, да и времени свободнаго не имѣютъ выслушать мою декламацию; что теперь они еще не знаютъ ролей; что меня пригласятъ на настоящую репетицію и что мнѣ предоставляется право остановить артиста и сдѣлать ему замѣчаніе, если я не буду доволенъ его игрой. Все это было говорено такимъ тономъ и съ такимъ выраженіемъ, что мнѣ не трудно было понять, какую смѣшную и

глупую роль играю я самъ въ этой комедіи. Но горячая любовь къ театру и желаніе оправдать довѣренность Кокошкина заставили меня еще разъ прѣхать на репетицію. Это была предпоследняя репетиція, разумеется, безъ ролей. Кн. Шаховской сказалъ актерамъ, чтобъ играли во весь голосъ, какъ на настоящемъ представленіи пьесы. Я заранѣе рѣшился никого не останавливать, да это и неудобно на главной репетиціи и совершенно нарушило бы ходъ и ладъ комедіи; но послѣ третьяго акта, я рѣшительно сказалъ кн. Шаховскому, что пьеса совсѣмъ идетъ не такъ, какъ желаетъ переводчикъ, что главныя лица: «Крутонъ (Альсестъ)» и «Прелестина (Солимена)» чрезвычайно холодны и не одушевляютъ своихъ ролей; что Брянскій грубъ, а не горячъ, и что въ немъ не слышно пламенной и чувствительной души Альсеста; что Валберхова тоже холодна; что Сосницкій отвратительно карикатуренъ.... Кн. Шаховской какъ будто почувствовалъ правду моихъ словъ, какъ будто вдругъ проснулись въ немъ добросовѣстность и любовь къ искусству, и онъ вдругъ заговорилъ совершенно другимъ, уже добродушнымъ тономъ. «Послушайте, сказалъ онъ, говоля по истинѣ и по правдѣ, пьеса идетъ не холошо, да ей и нельзя идти холошо. Другъ мой *Ө. Ө.* (*другъ* въ подобныхъ случаяхъ значилъ у Шаховскаго бранное слово) самъ объ этомъ посталался. Я его очень люблю и уважаю, но

вѣдь онъ немножко нелѣпъ; вѣдь онъ самъ испако-
стиль Мизантропа. Передѣлать совсѣмъ, какъ гово-
рится, на Русскіе нравы, храбрости у него не хва-
тило, а все таки Альсеста перекроилъ въ Крутона,
и Палату какую-то приплелъ и Русскую пьесю, и
вышелъ — Господи, прости ему его соглѣшеніе —
совершенный сумбуръ. Теперь эту пьесу нельзя иг-
лать по Французскимъ традиціямъ, а вѣдь я знаю,
что другу моему Федору Федоровичу хочется, чтобъ
ее иглали по Французски; а по Русски ее тоже
нельзя иглать: развѣ это Русскіе люди? Это не лю-
ди, это Богъ знаетъ кто такіе; съ луны попадали ...
Ну, развѣ такъ кто-нибудь говоритъ:

«И, словомъ, тотъ, кто другъ всего земнаго круга,
«Того я не могу считать себѣ за друга!...»

Вѣдь Мольеръ-то просто говоритъ: «другъ всего
свѣта не можетъ быть моимъ другомъ». — Я тоже въ
свою очередь почувствовалъ правду словъ кн.
Шаховскаго и согласился съ нимъ, что переводчикъ
сдѣлалъ ошибку. Но я старался доказать Шахов-
скому, что актеры, играющіе главныя лица въ коме-
діи, весь интересъ которой заключается въ яркомъ,
выпукломъ, живомъ изображеніи людей, потому что
эта пьеса характеровъ, а не интриги, — такой без-
жизненной игрой наскучатъ зрителямъ. Шаховской
со мной не согласился и увѣрялъ, что пьеса пойдетъ
отлично, забывъ уже, что сей часъ говорилъ о не-

возможности идти ей хорошо, и что онъ придастъ огня Брянскому и Вальберховой на вечерней репетиціи, которая будетъ у него на квартирѣ, — куда и пригласилъ меня; но я, разумѣется, не повѣрилъ его словамъ и не поѣхалъ на его домашнюю репетицію. Съ тѣхъ поръ я не видался съ кн. Шаховскимъ до 1826-го года, когда мы сдѣлались уже большими пріятелями.

Въ исходѣ Марта я воротился изъ Петербурга въ Москву. Я рассказалъ Кокошкину весь продѣлки кн. Шаховскаго; рассказалъ, съ какимъ успѣхомъ я читалъ его переводъ въ домѣ Державина, какъ былъ доволенъ Гаврила Романовичъ и какъ велѣлъ его благодарить; рассказалъ даже и то, что послѣ перваго представленія «Мизантропа», во время антракта, передъ какой-то другой пьесой, я пошелъ въ ложу къ Державину, который при другихъ сказалъ мнѣ, что онъ «больше оцѣнилъ достоинство перевода, когда я читалъ Мизантропа у него въ гостиной, и что послѣ моего чтенія онъ остался недоволенъ игрою актеровъ». Кокошкинъ обнималъ и благодарилъ меня. «Ахъ, милый Сергѣй Тимоѳеичъ, какъ мнѣ больно, говорилъ онъ, что этотъ сумасшедшій Шаховской такъ непріятно васъ встрѣтилъ. Вѣдь онъ сумасшедшій и не любитъ меня, считая, что я поклонникъ Карамзина и врагъ Шишкова, а я, какъ вы сами знаете, мой милый, ни чей не поклонникъ и не врагъ. Я вотъ не люблю двоедушія: когда я читалъ 1-й актъ моего Мизантропа въ Бе-

сѣдѣ Русскаго Слова, Шаховской больше другихъ меня хвалилъ. Ну, да я его усмирю при свиданьи». — Мнѣ показались странными и невѣроятными послѣднія хвастливыя слова; но чрезъ десять лѣтъ, когда кн. Шаховской, Кокошкинъ и я жили въ Москвѣ, я нѣсколько разъ имѣлъ случай видѣть, какъ равнодушная важность Кокошкина укрощала вспыльчивость кн. Шаховскаго, впрочемъ весьма податливаго на уступки.

Послѣдній мѣсяць жизни моей въ Москвѣ я былъ полонъ совсѣмъ другими интересами, а потому литературныя и театральныя мои знакомства не поддерживались съ прежнею живостью. Я видѣлъ однако Мочалова въ двухъ самыхъ лучшихъ его роляхъ, въ комедіяхъ «Гваделупскій житель» и «Тонъ моднаго свѣта». Обѣ эти пьесы, теперь давно забытыя, даже и тогда уже сходили съ репертуара и давались очень рѣдко; едва ли не въ послѣдній разъ видѣла ихъ тогда на сценѣ Московская публика, и вмѣстѣ съ нею я — въ первый и послѣдній разъ. Кокошкинъ, пользуясь сильнымъ авторитетомъ при театрѣ, устроилъ нарочно для меня оба спектакля: ему хотѣлось, чтобъ я видѣлъ Мочалова въ тѣхъ роляхъ, въ которыхъ онъ хорошъ безукоризненно, и въ самомъ дѣлѣ Мочаловъ привелъ меня въ изумленіе и восхищеніе. Это было совершенство, котораго я и вообразить не могъ! Это было какое-то чудо, превращеніе! Мочалова въ другихъ пьесахъ, особенно въ

трагедіяхъ, и Мочалова въ «Гваделупскомъ жителѣ» и преимущественно въ «Тонѣ моднаго свѣта» — нельзя было признать однимъ и тѣмъ же человекомъ. Еслибъ кто-нибудь видѣлъ Мочалова только въ этихъ двухъ пьесахъ, онъ счелъ бы его за одного изъ первоклассныхъ, великихъ артистовъ; между тѣмъ какъ этотъ же самый актеръ являлся во всѣхъ трагедіяхъ безъ исключенія, а въ драмахъ и комедіяхъ съ исключеніями — весьма плохимъ актеромъ; у него бывали одушевленные мѣста, но по большей части одушевленіе приходило не кстати, не къ мѣсту, однимъ словомъ: талантъ былъ замѣтенъ, но отсутствіе всякаго искусства, непониманіе представляемаго лица убивали его талантъ. У него былъ одинъ пріемъ, всегда блистательно удававшійся ему на Московской сценѣ: въ какомъ-нибудь патетическомъ мѣстѣ своей роли бросался онъ на аван-сцену и съ неподдѣльнымъ чувствомъ, съ огнемъ, вылетавшимъ прямо изъ души, скорымъ полупенотомъ произносилъ онъ нѣсколько стиховъ или нѣсколько строкъ прозы — и обыкновенно увлекалъ публику. Въ первый разъ это точно былъ сценическій порывъ, избытокъ вскипѣвшаго чувства, пришедшійся кстати и, по справедливости, восхитившій публику. Мочаловъ, замѣтивъ успѣхъ, сталъ употреблять этотъ пріемъ чаще; сначала тогда только, когда чувствовалъ приливъ одушевленія, а потомъ уже безъ всякаго прилива и совершенно не въ попадь; но благосклонная и благодарная публика всегда наг-

раждала его громкими рукоплесканіями. Это его избаловало; онъ началъ плохо учить новыя роли, забывалъ старыя, излѣнился, загулялъ и началъ постепенно падать въ мнѣніи публики. Въ самое это время его подняла и отрезвила роль «Мизантропа», а потомъ роли въ «Гваделупскомъ жителѣ» и «Тонѣ моднаго свѣта». Я съ удовольствіемъ вспоминаю тогдашнее мое знакомство съ этимъ добрымъ и талантливымъ человекомъ; онъ какъ-то очень полюбилъ меня, и когда, уѣзжая изъ Москвы въ Августъ, я захвалъ проститься, мѣсяца два передъ этимъ не видавшисъ съ нимъ, онъ очень непріятно былъ изумленъ и очень сожалѣлъ о моемъ отъѣздѣ, и сказалъ мнѣ: «ну, Сергѣй Тимоѣичъ, если это уже такъ рѣшено, то я вамъ открою секретъ: я готовлю Московской публикѣ сюрпризъ; хочу взять себѣ въ бенефисъ «Эдипа въ Лѣинахъ», самъ сыгראю Эдипа, сынъ — Полиника, а дочь — Антигону. Вы послѣ завтра ѣдете, а мнѣ хочется, чтобъ вы насъ послушали. Паша, Маша, закричалъ онъ, ступайте сюда». Паша и Маша явились и вмѣстѣ съ отцемъ разыграли передо мною нѣсколько сценъ изъ Эдипа въ Лѣинахъ. Старикъ Мочаловъ могъ бы очень хорошо сыграть Эдипа, еслибъ понималъ лучше роль и не молодился. Мочаловъ-сынъ и тогда уже показывалъ необыкновенный талантъ, бездну огня и чувства; дочь ничего не обѣщала, не смотря на прекрасные глаза, хотя и была въ послѣдствіи нѣсколько лѣтъ любимицей Москвы

и даже знаменитостью, особенно когда выучилась съ голосу подражать нѣкоторымъ блестящимъ мѣстамъ въ игрѣ Семеновой, прїѣзжавшей отъ времени до времени восхищать Москву. Старикъ Мочаловъ просилъ меня никому объ этомъ не сказывать, даже Ѳ. Ѳ. Кокошкину, что мнѣ было легко исполнить, потому что я до отъѣзда съ Кокошкинымъ не видался. Черезъ два дня я уѣхалъ въ Оренбургскую губернію, съ намѣреніемъ прожить тамъ десять лѣтъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, меня увѣдомили, что старикъ Мочаловъ исполнилъ свое намѣреніе и далъ себѣ въ бенефисъ «Эдипа въ Лѣинахъ»; что самъ онъ большаго успѣха не имѣлъ, а сынъ и дочь были приняты публикой съ восторгомъ. Роль Полиника осталась одною изъ самыхъ блестящихъ ролей молодаго Мочалова.

1820 и 1821-й ГОДА.

Въ 1820-мъ году, въ исходѣ Августа, прїѣхалъ я по особеннымъ обстоятельствамъ, вопреки моему намѣренію прожить десять лѣтъ безвыѣздно въ деревнѣ, на годъ въ Москву, уже съ семействомъ. Я возобновилъ свое знакомство съ Ѳ. Ѳ. Кокошкинымъ, начавшееся въ 1812-мъ году, передъ нашествіемъ Французовъ, и сдѣлавшееся очень близкимъ въ 1815 и 1816-хъ годахъ. Отъ него я узналъ, что М. Н. Загоскинъ, также уже женатый человекъ, отецъ

двухъ сыновей, переѣхалъ на житье въ Москву за два мѣсяца до моего прѣзда, что онъ предобрѣйшій человекъ и очень часто у него бываетъ. Я разсказалъ Кокошкину про оригинальную встрѣчу съ Загоскинымъ и прибавилъ, что хочу съѣздить къ нему, что мнѣ совѣстно передъ нимъ, и что я постараюсь истребить непріятное впечатлѣніе, которое вѣроятно у него осталось отъ перваго нашего свиданія. Кокошкинъ разсмѣялся и сказалъ мнѣ, что я не имѣю понятія о добродушіи Загоскина. Въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько дней я встрѣтился съ нимъ у того же Кокошкина, и Загоскинъ, предупрежденный обо мнѣ въ хорошую сторону, равно и о томъ, что я хочу къ нему прѣхать, что мнѣ совѣстно на него взглянуть — бросился ко мнѣ на шею, разцѣловалъ меня въ пухъ и чуть не задушилъ въ своихъ объятіяхъ, потому что былъ очень силенъ. «Ну, какъ вамъ не стыдно помнить о такомъ вздорѣ! сказалъ онъ; какъ я радъ, что мы съ вами встрѣтились и будемъ жить вмѣстѣ въ Москвѣ. Ну, давайте же руку и подружимтесь.» Все это было сказано такъ искренно, такъ просто и добродушно, что я полюбилъ Загоскина съ перваго разу. Онъ пользовался въ это время уже авторской извѣстностью и написалъ нѣсколько комедій въ прозѣ, которыя имѣли большой успѣхъ на театрѣ, и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ. На другой день поутру, Загоскинъ предупредилъ меня, ранехонько прѣхалъ ко мнѣ и просидѣлъ у меня

несколько часовъ. Мы окончательно подружались и стали говорить другъ другу «ты.»

Загоскинъ былъ самый добродушный, простодушный, неизменно-веселый, до излишества откровенный и прямо честный человекъ. Узнать его было не трудно: съ первыхъ словъ онъ являлся весь, какъ на ладонкѣ, съ перваго свиданья въ немъ никто уже не сомнѣвался и не ошибался. Соединяя съ такими качествами крайнюю доверчивость, даже легковѣріе и убѣжденіе, что все люди — прекрасные люди, онъ, можно сказать, приглашалъ всякаго недобраго человека обмануть Загоскина, и конечно приглашеніе принималось часто, охотно, и едва ли какой нибудь смертный бывалъ такъ надуваемъ во всю свою жизнь, какъ Загоскинъ. Онъ имѣлъ прямой, здравый Русской умъ и толкъ; вся православная Русь знаетъ это изъ его сочиненій; но въ свѣтскомъ обществѣ самые ограниченные свѣтскіе люди считали Загоскина простякомъ: мошенники, вѣроятно, выражались объ немъ еще безцеремоннѣе. Даровитость его признавалась уже всеми, но въ то время еще никто не подозрѣвалъ, чтобъ Загоскинъ могъ написать «Благородный театръ» и еще менѣе — «Юрія Милославскаго».

При первомъ свиданіи Загоскинъ разсказалъ мнѣ всю свою жизнь и свое настоящее положеніе, при чемъ однако не трудно было замѣтить, что у него лежало что-то на душѣ, что онъ чего-то неприятнаго и тяжелаго не договариваетъ. Онъ убѣдительно просилъ

меня, чтобъ я не отдавалъ ему визита; но я, разумѣется, его не послушалъ и на другой же день къ нему поѣхалъ. Загоскинъ жилъ въ домъ своего тестя, въ мезонинѣ, съ женой и дѣтьми, и помѣщался очень тѣсно. Я видѣлъ, что мое посѣщеніе его смущало. Комнатка, въ которой онъ меня принялъ, была проходная; всѣ наши разговоры могли слышать посторонніе люди изъ соседнихъ комнатъ, а равно и мы слышали все, что около насъ говорилось, особенно потому, что кругомъ разговаривали громко, ни мало не стѣняясь присутствіемъ хозяина, принимающаго у себя гостя. Загоскинъ, очень вспыльчивый, безпрестанно краснѣлъ, выбѣгалъ даже, пробовалъ унять неприличный шумъ; но я слышалъ, что ему отвѣчали смѣхомъ. Я понялъ положеніе бѣднаго Загоскина среди избалованнаго, наглаго лакейства, въ домъ господина, представлявшаго въ себѣ отраженіе стариннаго Русскаго капризнаго барина Екатерининскихъ временъ, по видимому не слишкомъ уважавшаго своего зятя. Я понялъ, чего не договорилъ Загоскинъ, и поспѣшилъ уѣхать, давъ себѣ слово никогда не смущать своими посѣщеніями новаго моего пріятеля. Онъ былъ такъ внутренно благодаренъ мнѣ за то, что уѣзжаю, что нѣсколько разъ принимался меня цѣловать, общая всякій день навѣщать меня; даже въ тотъ же день хотѣлъ пріѣхать вечеромъ, но я сказалъ ему, что долженъ провести этотъ вечеръ у своей хозяйки, княгини Несвицкой. Загос-

книжъ сдержалъ свое обѣщаніе и бывалъ у меня всякій день, даже и въ тѣ дни, когда мы вмѣстѣ съ нимъ обѣдали или проводили вечера у общихъ нашихъ знакомыхъ. Правду сказать, я самъ жилъ довольно тѣсненько, и особеннаго кабинета у меня не было, но за то сидѣли мы въ маленькой угловой гостиной, гдѣ никто намъ не мѣшалъ и гдѣ могли мы говорить свободно и громко, потому что оба были большіе и горячіе крикуны.

Всего чаще мы бывали съ Загоскинымъ у Ѳ. Ѳ. Кокошкина, который жилъ постоянно въ Москвѣ, въ своемъ прекрасномъ и большомъ домѣ у Арбатскихъ воротъ, на углу Вздвиженки. Онъ пользовался тогда общимъ уваженіемъ, какъ литераторъ (за переводъ Мизантропа), какъ знаменитый декламаторъ, любитель и покровитель театральнаго искусства, какъ благородный артистъ и какъ гостепріимный хозяинъ: у него не рѣдко бывали всѣ Московскіе литераторы, и даже Петербургскіе, когда пріѣзжали въ Москву. Кокошкинъ, страстный охотникъ играть на театрѣ, подкрѣпленный моимъ горячимъ сочувствіемъ, не замедлилъ завести у себя въ домѣ благородные спектакли, въ которыхъ впоследствии принималъ участіе и Загоскинъ, хотя онъ вовсе не имѣлъ сценическихъ дарованій и притомъ былъ забывчивъ, разсыянъ и очень способенъ приходить въ крайнее смущеніе. Для перваго спектакля была выбрана комедія «Два Фигаро», піеса огромная, очень трудная для исполненія.

Главную роль стараго Фигаро игралъ Кокошкинъ мастерски, по общему признанію тогдашнихъ знатоковъ; молодой Фигаро, кажется г-нъ Ф-ръ, былъ недурень. Я также съ успѣхомъ занималъ роль гр. Альмавивы, обыкновенно пропадавшую на публичной сценѣ и въ Москвѣ и въ Петербургѣ, потому что ея никогда не игралъ хорошій актеръ, а роль требовала пониманія и труда. Долго работали мы общими силами надъ постановкой этой пьесы, и я безпристрастно скажу, что не видалъ во всю мою жизнь такого непубличнаго, такъ называемаго, благороднаго спектакля. Самое большое затрудненіе представляли женскія роли; но тогда и это затрудненіе было счастливо побѣждено: наши благородныя артистки любили искусство, слушались совѣтовъ и не скучали репетиціями; роль же Сусанны съ блистательнымъ успѣхомъ игралась извѣстнымъ тогда въ Москвѣ талантомъ благородной сцены, Е. А. В-ю. Два раза смотрѣло лучшее Московское общество эту пьесу, осыпая ее громкими рукоплесканіями, и долго шумѣла молва объ этомъ великолѣпномъ и по истинѣ прекрасномъ спектаклѣ. Сами актеры были очарованы имъ. Сойдя со сцены, мы были еще такъ полны своими и чужими впечатлѣніями, что посреди шумнаго бала, смѣниваго спектакля, не смѣшались съ обществомъ, которое привѣтствовало насъ восторженными, искренними похвалами; мы невольно искали другъ друга и отобравшись особымъ кружкомъ, ра-

зумбется, кромѣ хозяина, говорили о своемъ чудномъ спектаклѣ; тѣмъ же особымъ кружкомъ съли мы за великолепный ужинъ — и, Боже мой, какъ были счастливы! Я обращаюсь ко всемъ вамъ, моимъ со-товарищамъ и собесѣдникамъ въ этотъ вечеръ, уцѣлѣвшимъ на жизненномъ пути, вамъ, пощаженнымъ еще временемъ! Вы вѣрно не забыли этого спектакля и этого ужина, не забыли этого чистаго, упоительнаго веселья, которому предавались мы съ увлеченіемъ молодости и любви къ искусству; не правда ли, что это было что-то необыкновенное, никогда уже не повторившееся?...

Кокошкинъ приходилъ къ намъ, на минуту оторвавшись отъ своихъ почетныхъ гостей; онъ завидовалъ намъ и вышилъ въ честь нашего спектакля «актерскій бокаль».

Загоскинъ не участвовалъ въ спектаклѣ, но присутствовалъ на каждой репетиціи, ужиналъ вмѣстѣ съ нами и раздѣлялъ наше увлеченіе. Ему уже хотѣлось играть самому, но онъ еще боролся съ своей робостью. На другой день мы всѣ собрались обѣдать къ Кокошкину. Странное дѣло! Многіе изъ насъ чувствовали какое-то грустное настроеніе духа; разумбется, каждый приписывалъ это личному расположенію и каждый былъ удивленъ, замѣтивъ то же самое въ другихъ. Одинъ изъ самыхъ страстныхъ актеровъ написалъ стихи... но къ чему таиться, — это былъ я. Стихи плоховаты, но въ нихъ именно

высказывалась грусть, что кончились наши заботы и тревоги, что уже не существует предмета и цѣли нашихъ стремленій, что нѣтъ впереди такого спектакля, котораго мы ждали, къ которому готовились, какъ будто къ важному событію. Стихи пришлись очень кстати: они каждому объясняли его чувство и потому были приняты съ восторгомъ, отъ нѣкоторыхъ дамъ— даже со слезами. Вотъ уцѣлѣвшія въ памяти моей строки:

.....
 «Гдѣ вы, тревожныя заботы, суеты,
 Сердце пріятное волненье,
 Боязни и надеждъ прѣменно ощущенье
 И самолюбія мечты?
 Гдѣ зрителей восторгъ и удивленье,
 Талантамъ истиннымъ нельстивыя хвалы,
 Рукоплесканій громъ, благодаренье,
 Весельемъ искреннимъ шумящіе столы?
 Исчезло все..... и пустота, смущенье,
 Уныніе на сердце налегло!
 Зачѣмъ же цѣли достиженье,
 Свершившись — намъ отрадъ не принесло?»

Здѣсь многихъ стиховъ не помню, но вотъ заключеніе:

«Прочь, души хладныя, хулители суровы,
 Дерзающіе насъ съ презрѣньемъ порицать (*)!
 Влачите рабскія приличія оковы!»

(*) Этотъ стихъ относился къ двумъ значительнымъ дамамъ, родственницамъ Кокошкина, по покойной его жень.

Не вамъ божественный огонь въ себѣ питать.
 Веселье чистое утѣхи благородной,
 Любовь къ искусству — ты питай меня всегда,
 Отъ предрасудковъ всѣхъ души моей свободной
 Не покидай въ сей жизни никогда!

Сколько дѣтскаго и, пожалуй, смѣшнаго было въ этомъ увлеченіи! Какъ оно живо выражаетъ отсутствіе серьезныхъ интересовъ, или, пожалуй, серьезность интереса и взгляда на искусство, можетъ быть у многихъ бессознательнаго. Но пріятно вспомнить объ этомъ времени. Въ тридцать шесть лѣтъ постарѣли не мы одни, не наши только личности, — постарѣло или, правильнѣе сказать, возмужало общество, и подобное увлеченіе теперь невозможно между самыми молодыми людьми. Въ Москвѣ же тогда много находилось, даже пожилыхъ людей и стариковъ, для которыхъ спектакль «Два Фигаро» — былъ важнымъ событіемъ въ лѣтописяхъ благородной сцены театральнаго искусства. Но, конечно, никто такъ не оцѣнилъ и никто не принялъ такъ близко къ сердцу нашего спектакля, какъ Кн. Ив. М. Долгорукой, который былъ не только самъ *въ душѣ* страстный и отличный, по тогдашнему, актеръ, но не менѣе того любилъ щеголять постановкою благородныхъ спектаклей въ своемъ домѣ.

Князь И. М. Долгорукой былъ по истинѣ достолюбезное лицо, также невозможное въ настоящее время. Онъ прекрасно изображенъ, какъ писатель и

и человекъ , въ біографіи , написанной М. А. Дмитриевымъ и напечатанной въ 1851-мъ году, подъ названіемъ: «Князь Иванъ Михайлычъ Долгорукой и его сочиненія.» Онъ считался въ Москвѣ однимъ изъ остроумнѣйшихъ людей своего времени и первымъ мастеромъ говорить въ обществѣ , особенно на Французскомъ языкѣ. Я помню, что на большихъ обѣдахъ или ужинахъ обыкновенно сажали подлѣ него съ обѣихъ сторонъ по самой бойкой говорунѣ, известной по уму и дару слова, потому что у одной не достало бы силъ на поддержаніе одушевленнаго съ нимъ разговора. Я самъ слыхалъ, какъ эти дамы и дѣвицы жаловались послѣ на усталость головы и языка, какъ все общество искренно имъ сочувствовало, признавая, что «проговорить съ Княземъ Иваномъ Михайловичемъ два часа и не ослабить живости разговора — большой подвигъ.» Это было дѣйствительно справедливо, только я думаю, что этотъ подвигъ больше требовалъ бойкости и быстроты рѣчи, любезной болтовни, чѣмъ настоящаго остроумія. При всей своей свѣтскости, Кн. И. М. бывалъ иногда простодушенъ и веселъ, какъ дитя, и, говоря по Русски въ короткомъ обществѣ мужчинъ, очень любилъ выражаться не только по просту, но даже по простонародному; онъ любилъ употреблять слишкомъ рѣзкія и точныя слова, любилъ озадачивать ими своихъ слушателей. — Кокошкинъ давно уже познакомилъ меня съ нимъ, но

Князь мало обращалъ на меня вниманія: онъ любилъ свѣтскость и бойкость въ молодыхъ людяхъ, а именно этихъ качествъ я не имѣлъ никогда, я былъ даже немножко дикъ съ людьми, не коротко знакомымъ; впрочемъ Князь пригласилъ меня на свой спектакль, который шелъ недѣли за двѣ до «Двухъ Фигаро». Спектакль состоялъ изъ двухъ небольшихъ пьесъ: комедіи «Холостый зарядъ», не знаю къмъ написанной, и пословицы (proverbe): «У семи нянекъ дитя безъ глазу» (кажется, такъ), сочиненной самимъ хозяиномъ. Последняя пьеса была очень жива и забавна. Содержаніе ея состояло въ слѣдующемъ: одинъ Русской помѣщикъ-агрономъ, для лучшаго устройства своего хозяйства на иностранный манеръ, раздѣляетъ сельское управленіе на нѣсколько частей и каждую ввѣряетъ особому наемному управителю или директору, въ число которыхъ находится ученый Пѣмецъ и еще кажется одинъ семинаристъ; всѣ директора должны сноситься между собою письменно или словесно въ конторъ, не выходя изъ назначенной имъ колѣи, не переступая предѣловъ ихъ власти. Разумѣется, изъ этого выходитъ страшная кутерьма, такъ что и деревня совсѣмъ было сгорѣла отъ того, что завѣдывавшій пожарною частью не получилъ во время надлежащаго увѣдомленія. По счастью близкій сосѣдь, не нововводитель, не агрономъ, а умный Русской помѣщикъ, увидя пожаръ, прискакиваетъ съ своими

людьми и пожарными инструментами и спасаетъ отъ конечной гибели село и домъ своего сосѣда. Онъ дѣластъ еще болѣе — онъ образумливаетъ помѣщика-агронома, который былъ не что иное, какъ своего рода и времени Кошкаревъ, выведенный Гоголемъ во 2-мъ томѣ «Мертвыхъ душъ». Я помню, что было очень много презабавныхъ сценъ, что зрители очень много смѣялись и что А. Д. Курбатовъ игралъ ученаго Нѣмца съ удивительнымъ совершенствомъ; вообще спектакль былъ слаженъ очень хорошо, и публика осыпала его громкими рукоплесканіями и единодушными, горячими похвалами. Хозяинъ былъ въ восторгѣ и, какъ я слышалъ, выражался нѣсколько иронически на счетъ будущаго спектакля у Кошкина, о которомъ мы уже два мѣсяца хлопотали. Въ свою очередь и Кошкинъ, великолѣпно и напыщенно хваля спектакль Кн. Долгорукова, прибавлялъ, по довѣренности, короткимъ людямъ, что «не велика премудрость поставить хорошо двѣ пьески, и что постановка серьезной, классической комедіи (ужь какъ попали «Два Фигаро» въ классическія комедіи — рѣшительно не знаю) требуетъ побольше трудовъ и знаній.» До Князя И. М. дошли эти слова, и онъ, задѣтый за живое въ самомъ чувствительномъ мѣстѣ: въ искусствѣ составлять благородные спектакли, — пріѣхалъ съ сильнымъ предубѣжденіемъ и расположеніемъ найти наше представленіе невыносимо скучнымъ. Но, какъ истин-

ный артистъ, онъ скоро забылъ мелочные расчеты оскорбленнаго тщеславія, пришелъ въ восхищеніе и въ продолженіи всего спектакля безпрестанно повторялъ: «C'est magnifique, c'est sublime». Когда опустился занавѣсъ, онъ, съ живостью молодого человѣка, прибѣжалъ къ намъ на сцену, всѣхъ насъ обнималъ, особенно меня, тутъ же признаваясь, что виноватъ передо мной, прося пріѣхать къ нему непременно на другой день и общая во всемъ мнѣ покаяться. Я пріѣхалъ на другой день по утру. Восхищеніе Кн. Ивана Михайлыча нѣсколько прошло или, лучше сказать, было уже подавлено досадою на блистательный успѣхъ нашего спектакля. Съ откровенностью, доходившею до излишества, онъ сказалъ мнѣ между прочимъ, что считалъ меня Оренбургскимъ медвѣдемъ, способнымъ сыграть развѣ степнаго помѣщика, а не графа Альмавиву..... Тутъ осыпалъ онъ меня похвалами, которыя мнѣ совѣстно повторять и которыя конечно были черезъ чуръ преувеличены; онъ кончилъ тѣмъ, что будто до сихъ поръ, не только зрители, но и сами актеры, не вѣдали, чтó такое «графъ Альмавива», и что теперь только познакомились съ нимъ и поняла его публика. Потомъ вновь овладѣла имъ досада, и старикъ, ходя по комнатѣ, съ комическимъ жаромъ и дѣтскою наивною говорилъ, какъ будто самъ съ собою: «какой счастливецъ этотъ Федоръ Федорычъ! Точно съ неба сваливаются ему таланты! И радъ бы былъ

сыграть большую комедію, да гдѣ же взять актеровъ? Гдѣ найти такую Сусанну, какая у него? Мало этого: ему вдругъ неожиданно, нежданно, падаетъ охотникъ съ Рифейскихъ горъ, который цѣлый вѣкъ гонялся за оленями и ловилъ сурковъ, и въ этомъ охотникѣ открывается капитальный талантъ! Да и самъ *Ө. Ө.* съ роду ни въ чемъ не былъ такъ хорошъ, какъ въ старомъ Фигаро: эта роль выкроена по немъ.....» Не знаю, откуда пришли въ голову *Кн. Долгорукову* Рифейскія горы, олени и сурки, только они такъ прочно засѣли у него въ головѣ, что я никогда не могъ разувѣрить его, что не бывалъ на Рифейскихъ горахъ, не гонялся за оленями, не ловилъ сурковъ, и что я давнишній актеръ. Съ этихъ поръ Князь меня очень полюбилъ. Я много читывалъ ему изъ его ненапечатанныхъ сочиненій, и въ томъ числѣ огромную трагедію, въ три тысячи варварскихъ стиховъ, которая происходила въ невѣдомомъ мѣстѣ, у неизвѣстнаго народа. Впрочемъ сочинитель самъ подсмѣивался надъ своимъ твореніемъ. Когда въ послѣдствіи, уѣжая изъ Москвы, я пріѣхалъ съ нимъ проститься, онъ съ истинной грустью вскричалъ: «опять на свой Рифей, опять гоняться за оленями, опять ловить сурковъ! Ну тамъ ли ваше мѣсто?.....» Разумѣется я ему уже не противорѣчилъ.

Черезъ мѣсяць послѣ «Двухъ Фигаро», составилъ опять спектакль у князя *Ив. Мих. Долгорукова*. Я

самъ напросился сыграть какую нибудь роль, и хозяинъ съ благодарностью принялъ мое предложеніе; кажется, спектакль состоялъ изъ небольшой комедіи Н. И. Хмельницкаго: «Неръшительный или семь пятницъ на недѣль», и также маленькой комедіи Коцебу: «Новый вѣкъ»; въ послѣдней я игралъ стараго купца или банкира «Верлова». Спектакль былъ миленькой, но должно признаться, что Кокошкинъ говорилъ правду: это были *пьески!*

Въ продолженіе зимнихъ мѣсяцевъ 1820-го и 1821-го годовъ мы составили еще нѣсколько спектаклей въ домъ Кокошкина. Всѣ они были болѣе или менѣе замѣчательны по своей постановкѣ и по отличному исполненію нѣкоторыхъ ролей; но спектакль «Двухъ Фигаро» остался несравненнымъ и незабвеннымъ. Загоскинъ также рѣшился выйти на сцену; онъ выбралъ для этого маленькую пьеску въ стихахъ, кажется «Говорунъ», въ которой только одно и есть дѣйствующее лице, говорящее безпрестанно; она шла передъ большою комедіей Княжнина «Хвастунъ». Выборъ весьма неудачный, какъ и самая мысль сочинить такую болтовню; имени сочинителя не помню. Вѣроятно она была написана для извѣстнаго лица въ обществѣ, для извѣстнаго таланта, для мастера говорить живо, весело, разнообразно и увлекательно. Ничего этого въ Загоскинъ не было, и я право не знаю, для чего мы допустили его играть эту роль. Правда, зрители безпрестанно хло-

пали и безъ умолку хохотали; но было смѣшно не представляемое лице, а Загоскинъ: съ первыхъ словъ онъ началъ уже конфузиться, перепутывать стихи, забывать роль и не слушать суфлера. Чѣмъ больше хохотала и чѣмъ больше хлопала публика, тѣмъ больше смущался бѣдный Загоскинъ — и нѣсколько разъ хотѣлъ уйти со сцены, не доигравъ пьесы. Кокошкинъ и всѣ мы, стоя за кулисами, знаками, жестами и поклонами едва могли упросить его, чтобъ онъ продолжалъ. По истинѣ сказать, явленіе было вполне комическое. Загоскинъ бѣсился на себя, зачѣмъ онъ вздумалъ играть; кровь бросалась ему въ лице, онъ краснѣлъ, какъ буракъ, а по пьесѣ ему слѣдовало быть веселымъ, шутить и любезно болтать; эта борьба была такъ забавна въ Загоскинѣ, что людямъ, знавшимъ его коротко, трудно было удержаться отъ смѣха. Но Кокошкинъ и я, принимавшіе горячее участіе въ спектакль, — не смѣялись, а испугались. Когда опустился занавѣсъ, Загоскинъ долженъ былъ, по пьесѣ, продолжать нѣсколько времени свою болтовню, но на сценѣ поднялся такой шумъ, крикъ и хохоть, что зрители принялись аплодировать: Загоскинъ шумѣлъ и бранился, а мы всѣ неудержимо хохотали. Загоскинъ тутъ же наложилъ на себя заклятіе — никогда болѣе не играть, но «гдѣ клятва, тамъ и преступленіе», не знаю, кѣмъ-то было сказано, и сказано справедливо: Загоскинъ игралъ еще раза два, и каждый разъ съ такою же неудачею.

Самымъ интереснымъ спектаклемъ, послѣ «Двухъ Фигаро», была небольшая комедія: «Два Криспина», сыгранная вмѣстѣ съ какой-то пьесой. Двухъ Криспиновъ играли знаменитые благородные актеры-соперники: Ф. Ф. Кокошкинъ и А. М. Пушкинъ, который, также какъ и Кокошкинъ, перевелъ одну изъ Мольеровыхъ комедій: «Гартиофъ», и также съ передѣлкою на Русскіе нравы. Этотъ спектакль — была дуэль на смерть между двумя признанными талантами. Любители театральнаго искусства долго вспоминали этотъ «бой артистовъ». Слѣдовало бы кому-нибудь одержать побѣду и кому-нибудь быть побѣждену; но публика раздѣлилась на двѣ равныя половины, и каждая своего героя считала и провозглашала побѣдителемъ. Почитатели Пушкина говорили, что Пушкинъ былъ гораздо лучше Кокошкина, потому что былъ ловокъ, живъ, любезенъ, простъ и естественъ въ высшей степени. Все это правда, и въ этомъ отноше- ніи Кокошкинъ не выдерживалъ никакого сравненія съ Пушкинымъ. Но почитатели Кокошкина говорили, что онъ, худо ли, хорошо ли, но игралъ Криспина, а Пушкинъ сыгралъ—Пушкина, что также была совершенная правда: изъ чего и слѣдуетъ заключить, что оба актера въ Криспинахъ были неудовлетворительны. Криспинъ—извѣстное лице на Французской сценѣ; оно игралось и теперь играется (если играется) по традиціямъ; такъ игралъ его и Кокошкинъ, но по моему игралъ неудачно, именно по недостатку есте-

ственности и жизни: ибо въ исполненіи самихъ традицій должна быть своего рода естественность и одушевленіе. Пушкинъ рѣшительно игралъ себя или, по крайней мѣрѣ, — современнаго, ловкаго плута; даже не надѣвалъ на себя извѣстнаго костюма, въ которомъ всегда является на сцену Криспинъ: однимъ словомъ, тутъ и тѣни не было Криспина.

Изрѣдка продолжалъ я видаться съ Н. И. Ильинымъ, который дѣлался какъ-то часъ отъ часу страннѣе и начиналъ какъ будто заговариваться. Люди, которые видались съ нимъ часто, замѣчали это уже давно, а теперь стали замѣчать всѣ. Онъ былъ прежде коротко знакомъ съ Кокошкинымъ; они даже нѣкогда играли вмѣстѣ на театрѣ, въ домѣ у кн. Юрья Владиміровича Долгорукаго, который все еще продолжалъ жить на Большой Никитской, въ своихъ безобразныхъ барскихъ палатахъ, одна половина которыхъ все еще оставалась не оштукатуренною. Я сказалъ: *продолжалъ жить*, во-первыхъ потому, что кн. Юрью Владиміровичу было, какъ говорилъ, за восемьдесятъ лѣтъ, а во-вторыхъ потому, что тридцать лѣтъ тому назадъ онъ уже умиралъ, лежалъ въ гробу, едва не былъ похороненъ, ожилъ какимъ-то чудомъ, и продолжалъ жить и давать спектакли. Такъ по крайней мѣрѣ утверждала общая молва; мнѣ помнится даже, что гдѣ-то было напечатано объ этомъ. — Во всѣхъ кругахъ общества говорили, что Ильинъ влюбленъ въ одну знатную графиню и что

онъ дожидается чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника, чтобы сдѣлать формальное предложеніе; но кажется и чина статскаго совѣтника было довольно, чтобы вскружить бѣдную его голову. Я помню, что Кокошкинъ предлагалъ ему чрезъ меня принять участіе въ нашихъ спектакляхъ, а именно: сыграть роль «Верхолета» въ «Хвастунъ» Княжнина, роль, которую онъ нѣкогда игрывалъ съ успѣхомъ: Ильинъ отвѣчалъ мнѣ, что *Россійскому* статскому совѣтнику, по его мнѣнію, неприлично выходить на сцену; но что онъ благодаритъ за приглашеніе и очень будетъ радъ посмотреть нашъ спектакль. Кокошкинъ и Кн. Ив. Мих. Долгорукой всегда его приглашали. Роль «Верхолета» я принужденъ былъ взять на себя. Это была съ моей стороны жертва; роль вовсе не шла ко мнѣ, и я былъ въ ней положительно дурень. Ник. Ив. Ильинъ уже не занимался литературой и даже говорилъ о ней съ пренебреженіемъ; авторская слава уже не плѣняла его: государственная служба, чины, ордена, высокія мѣста въ правительствѣ — вотъ что составляло предметъ его разговоровъ и желаній. Въ послѣдствіи несчастный Ильинъ, не дождавшись чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника, сдѣлалъ предложеніе, получилъ отказъ, помѣшался окончательно и, кажется, скоро умеръ. Я получилъ объ этомъ извѣстіе уже въ деревнѣ. Любовь или честолюбіе были первоначальною причиною сумашествія бѣднаго Ильина—это былъ вопросъ и споръ

ный пунктъ въ Московскихъ гостиныхъ. Любопытно, что во время совершеннаго помѣшательства, Ильинъ опять обратился къ литературѣ и къ стихотворству, которымъ прежде никогда не занимался. Онъ душилъ стихами всякаго, кто только ему попадался.

Въ эту же зиму узналъ я, и очень горячо полюбилъ Александра Ивановича Писарева, который находился еще въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ; впрочемъ это было только за пол-года передъ выпускомъ воспитанниковъ. Онъ участвовалъ въ нашихъ спектакляхъ, хотя сценическихъ способностей у него было также мало, какъ у Загоскина. Не смотря на восемнадцатилѣтнюю молодость, блестящій острый умъ Писарева былъ уже серьезень и глубокъ. Вся пансіонская молодежь признавала его превосходство, и всѣ, кто его зналъ, смотрѣли на Писарева, какъ на будущаго славнаго писателя; его проза и стихи превозносились, не только товарищами и начальствомъ пансіона, но и всѣми; театръ, литература, были его призваньемъ, страстью, жизнью. Съ перваго свиданья Писаревъ почувствовалъ искренность моего участія и полюбилъ меня, какъ брата; все время, свободное отъ класнаго ученья, онъ проводилъ у меня въ домѣ. Писаревъ имѣлъ раздражительный, но сосредоточенный характеръ; внѣшнее выраженіе у него было тихо, спокойно и холодно, даже и тогда, когда онъ задыхался отъ внутренняго волненія. Онъ не краснѣлъ ни отъ гнѣва, ни отъ радости, а блѣд-

нѣль. Это гораздо тяжеле, и вредно дѣйствовало на его всегда слабое здоровье. Писаревъ вышелъ вторымъ воспитанникомъ изъ университетскаго пансіона; онъ былъ очень друженъ только съ однимъ товарищемъ своимъ, Юшневскимъ; они оба получили при выпускѣ десятый классъ; но имя Писарева написанное золотыми буквами на мраморной доскѣ, осталось навсегда между именами Жуковскаго и другихъ отличныхъ воспитанниковъ. Въ ту же минуту, послѣ пансіонскаго акта, и за нѣсколько часовъ до личнаго со мной свиданія, Писаревъ написалъ ко мнѣ молодое, горячее письмо, которое къ сожалѣнію потеряно. Писаревъ немедленно уѣхалъ къ отцу и матери въ Орловскую деревню; не дождавшись его возвращенія въ Москву, я также отправился въ свой путь; но съ этого времени началась между нами живая, искренняя переписка, продолжавшаяся постоянно всѣ пять лѣтъ моего пребыванія въ Оренбургской губерніи. Загоскинъ и Кокошкинъ также были знакомы съ Писаревымъ и очень его любили, а равно и весь литературный кружокъ, собиравшійся въ домъ Кокошкина. Я не называю всѣхъ членовъ, его составлявшихъ, я вспоминаю только о тѣхъ, кого уже нѣтъ на свѣтѣ. — Воспоминаніямъ о Писаревѣ надобно будетъ посвятить особую статью (*).

(*) Особой статьи я не написалъ; но о Писаревѣ я довольно говорю впоследствии.

Лѣтомъ у насъ, то есть въ домѣ Кокошкина, былъ еще спектакль, который можно назвать прощальнымъ; онъ былъ приготовленъ секретно для сестры Кокошкина, Аграфены Ѳедоровны, въ день ея именинъ, женщины рѣдкой по своей добротѣ и добродѣтельной жизни; мы сыграли маленькую комедію Коцебу: «Береговое право» и комедію Хмельницкаго: «Воздушные замки».

Загоскинъ, по своему доброму и уживчивому нраву, примирился съ своимъ стѣснительнымъ положеніемъ, и литературная дѣятельность его проснулась. Въ этомъ же году онъ въ первый разъ началъ писать стихами, чего никакъ невозможно было предположить: онъ не имѣлъ уха и не чувствовалъ мѣры и паденія стиха. Своимъ посланіемъ къ Н. И. Гнѣдичу онъ удивилъ всѣхъ Московскихъ и Петербургскихъ литераторовъ. Обо всемъ этомъ написано мною подробно въ біографіи Загоскина.

Въ этотъ годъ, то есть съ Августа 1820 по Августъ 1821-го, собственно моя литературная дѣятельность ограничивалась немногимъ: я напечаталъ свой переводъ X сатиры Буало. Увы, я также подчинился нелъпому направленію большей части литераторовъ того времени — и переложилъ Буало на Русскіе нравы! Казалось, такъ лучше, понятнѣе,

сильнѣе произведетъ впечатлѣніе на читателей, а притомъ—всѣ такъ дѣлали. Этотъ переводъ, читанный Кокошкинымъ и самимъ мною въ разныхъ общественныхъ кругахъ, имѣлъ успѣхъ и подкрѣпилъ мою небольшую литературную извѣстность, доставленную мнѣ переводомъ «Филоктета» и Мольеровой комедіи: «Школа мужей», которая игралась на Петербургскомъ театрѣ, тоже не безъ успѣха. Тогда же я написалъ и напечаталъ въ Вѣстникѣ Европы стихи «Уральскій козакъ» (истинное происшествіе) — слабое и блѣдное подражаніе «Черной шали» Пушкина—и «Элегію въ новомъ вкусѣ» — протестъ противъ туманно-мечтательныхъ стихотвореній, порожденныхъ подражаніемъ Жуковскому, — и наконецъ «Посланіе къ кн. В., въ отвѣтъ на его посланіе къ Каченовскому», не помню гдѣ напечатанное, которое начиналось такъ:

Передъ судомъ ума сколь, Каченовскій, жалокъ
Талантовъ низкій врагъ, завистливый зоиль!
Какъ оный вѣчный огонь предъ алтаремъ Весталокъ,
Такъ втайнѣ вѣчный ядъ, даръ лютыхъ адскихъ силъ,
Въ груди несчастнаго неугасимо тлѣеть.

Я вовсе не былъ пристрастенъ къ скептическому Каченовскому, но мнѣ жаль стало старика, имѣвшаго нѣкоторыя почтенныя качества, и я написалъ начало посланія, чтобъ показать, какъ можно отра-

зять тѣмъ же оружіемъ кн. В. (*); но Загоскинъ, особенно Писаревъ, а всѣхъ болѣе М. А. Д., упростили меня дописать посланіе и даже напечатать. Они сами отвозили стихи Каченовскому, который чрезвычайно былъ ими доволенъ и съ радостью ихъ напечаталъ. Но я до сихъ поръ не знаю, по какой причинѣ, вмѣсто «Посланіе къ кн. В.» онъ напечаталъ: къ Птелинскому-Ульминскому», и вмѣсто подписи: С. А. — поставилъ цифры 200—1. Съ этого времени, Каченовскій всегда мнѣ очень привѣтливо улыбался и кланялся, чего удостоивалъ весьма немногихъ.

Въ продолженіе Великаго поста (1821-й годъ), кн. И. М. Долгорукій, котораго живая природа требовала дѣятельности современной, общественной, какъ бы ни было мелко ея содержаніе, составилъ у себя въ домъ пріятельское литературное общество, надъ которымъ и тогда подсмѣивались иные члены и посетители. Нѣкоторые изъ насъ, конечно изъ одного желанія утѣшить любезнаго хозяина, согласились принять участіе въ его дѣтской или стариковской

(*) Посланіе мое начиналось такъ:

Передъ судомъ ума сколь, В., смѣшонъ,
 Кто самолюбіемъ, пристрастьемъ увлеченъ,
 Вѣкъ раболѣпствуя, съ слѣпымъ благоговѣньемъ,—
 Твореній критику считаетъ преступленьемъ,
 И хочетъ, всѣмъ на зло, чтобъ весь подлунный міръ
 За Бога признавалъ имъ славимый кумиръ и проч....

забавъ. Засѣданій было пять, и въ каждое я, какъ и другіе, представлялъ по одному и по два стихотворенія. Всѣ члены желали, чтобъ я читалъ ихъ сочиненія, а какъ это было невозможно, то, по предложенію хозяина, было постановлено правиломъ: чтобъ каждый сочинитель *самъ* читалъ свою пьесу. Все это очень живо рассказано въ брошюрѣ М. А. Дмитріева, и я добавлю только, что общество существовало, даже въ обширнѣйшихъ размѣрахъ, и на слѣдующій годъ. А. Писаревъ, въ послѣдствіи также бывшій членомъ, писалъ ко мнѣ въ 1822-мъ году, что выбрано нѣсколько новыхъ членовъ и что на предпоследнемъ засѣданіи, въ числѣ другихъ посѣтителей, находился *Главнокомандующій*, кн. Д. В. Голицынъ, который охотно принималъ участіе во всякой просвѣщенной забавѣ: слѣдовательно нѣтъ сомнѣнія, что собраніе было многочисленно, блистательно, и что хозяинъ былъ совершенно счастливъ.

Въ этомъ же году былъ я выбранъ въ дѣйствительные члены Общества любителей Россійской Словесности, при Московскомъ Университетѣ, и выбранъ единогласно. Я сознаюсь, что это было мнѣ очень пріятно и лестно. Я не представлялъ никакого сочиненія: и такъ меня удостоили этой чести за переводы. Кажется, при мнѣ, въ эту зиму были два публичныя засѣданія; посѣтителей было довольно, и мы съ Кокошкинымъ попеременно декламировали почти всѣ пьесы, разумѣется, по желанію самихъ со-

чинителей. Это общество имѣло значеніе и вліяніе. Московская публика приняла живое участіе въ его засѣданіяхъ и начала очень охотно посѣщать ихъ; потому что онѣ получили менѣе сухой, ученый характеръ, а болѣе чисто литературный, болѣе понятный, доступный людямъ свѣтскимъ, и особенно пріятный любителямъ изящной словесности. Собранія становились многочисленны и блистательны; образованныя женщины лучшаго круга оживляли ихъ своимъ присутствіемъ. Годъ, съ 1821-го по 1829-й включительно, можно назвать самымъ цвѣтущимъ періодомъ Московскаго Общества любителей Россійской Словесности, которое съ 1834-го года, безъ всякой видимой причины, перестало собираться и не собирается до сихъ поръ. Тоже случилось, въ разные сроки, со всеми литературными обществами въ Россіи. — А. А. Прокоповичъ-Антонскій былъ постояннымъ предсѣдателемъ Общества, въ его блистательное время. Едва ли не ему одному обязано оно своимъ процвѣтаньемъ. Не могу сказать, изъ какихъ причинъ, только Антонскій заботился и хлопоталъ о составленіи публичныхъ чтеній съ неутомимою ревностью; Мерзляковъ и Каченовской были главными его помощниками.

Въ Августъ я уѣхалъ въ Оренбургскую губернію, напутствуемый искреннимъ сожалѣніемъ и дружбою моихъ пріятелей, особенно Кокошкина и Загоскина. Писарева не было въ Москвѣ, и онъ горевалъ о

моемъ отъздѣ заочно, выражая свое огорченіе въ письмахъ ко мнѣ.

Я уѣхалъ изъ Москвы съ особеннымъ грустнымъ чувствомъ, никогда еще мною не испытаннымъ. Никогда еще не сживался я такъ съ Москвою, какъ въ этотъ годъ? Публичный театръ, частные спектакли, литературныя собранія, дружескій кругъ добрыхъ пріятелей, болѣе или менѣе сходныхъ со мною въ своихъ наклонностяхъ и увлеченіяхъ, а главное Москва, со всеѣмъ своимъ историческимъ и народнымъ значеніемъ, яснѣе прежняго понятымъ и глубже почувствованнымъ мною, все вмѣстѣ наполняло мою душу, въ минуту разлуки, смущеніемъ и уныніемъ. Мнѣ самому было ново и странно такое чувство. Мнѣ ли страстному поклоннику вѣчныхъ красотъ природы и моего чуднаго, родимаго края, свободы его полей и лѣсовъ, его роскошнаго простора и при-волья, мнѣ ли, безумному охотнику, — грустить, разставаясь съ неволей и шумомъ городской жизни, съ пыльной и душной Москвой? Всегда весело разставался я съ обѣими столицами, всегда съ радостнымъ волненіемъ спѣшилъ въ благословенную деревню.... и мнѣ больно было, что я не испытывалъ прежняго чувства. Конечно, были и другія причины: я уѣзжалъ не въ милое свое Аксаково, не на берега Бугуруслана, а въ другое имѣніе, находящееся въ глухомъ Белебеевскомъ уѣздѣ. Кромѣ того, что мѣстоположеніе его было ровно и скучно, безъ освѣ-

жающей тѣни деревъ, безъ рѣки, слѣдовательно не привлекало охотника; кромѣ того, что я не любилъ этой деревни,—меня ждало другое горе: я долженъ былъ заняться хозяйствомъ, котораго терпѣть не могъ!.. Я смутно предчувствовалъ, что только тамъ ляжетъ на меня вся тяжесть ложныхъ и печальныхъ отношеній.... Но не въ моей природѣ было надолго предаваться унынію! Благодаря живости моего воображенія и мечтательному легкомыслію я разукрашивалъ радужными цвѣтами будущую мою сельскую дѣятельность, уже видѣлась мнѣ въ отдаленіи Москва, и я съ горячею бодростью готовился къ новой для меня жизни хозяина, какъ единственному средству жить потомъ въ Москвѣ.

1825 и 1826 ГОДЪ.

Уже слишкомъ четыре года, жилъ я отдѣльно, съ своей семьей, въ Оренбургской губерніи, въ селѣ Надежинѣ, въ семи верстахъ отъ одного изъ самыхъ дряннѣйшихъ уѣздныхъ городишекъ въ Россіи «Белебея», произведеннаго въ званіе города изъ Чувашской деревушки, сидѣвшей на рѣчкѣ «Билъбей», которую Русскіе перекрестили въ «Белебейку.» Такихъ переименованій въ нашемъ уѣздѣ было множество. Я, напримѣръ, жилъ на рѣчкѣ «Сююшъ», получившей имя «Сивушка»; въ сосѣдствѣ же у меня

была деревня, прозывавшаяся по имени своей рѣчки, «Лу-елга»: ее просто звали «Иволга».

По принятому мною заранее плану: прожить десять лѣтъ безвыѣздно въ Оренбургской губерніи, — мнѣ оставалось жить въ деревнѣ еще одинъ годъ; но какъ въ продолженіе этого времени, я уѣзжалъ въ Москву ровно на годъ, то мнѣ следовало прожить въ Надежинѣ еще два года. Я давно уже разочаровался въ моихъ надеждахъ сдѣлаться хорошимъ хозяиномъ и накопить порядочную сумму денегъ до переѣзда на житье въ Москву. Я никакъ не ожидалъ такой неудачи. Прежде, въ отсутствіе моего отца, мнѣ случалось управлять нѣсколькими деревнями и смотреть за производствомъ сельскихъ работъ. Конечно, я занимался не прилежно, не охотно; но узналъ и понималъ дѣло хорошо. Видѣлъ, что можно ввести много улучшеній и слѣдственно — увеличить доходъ. Основываясь на такихъ данныхъ, я подумалъ, что, управляя собственнымъ имѣніемъ, имѣя такія сильныя побудительныя причины заниматься хозяйствомъ, при всей моей нелюбви къ нему, я надѣлаю чудеса. Но вышло совсѣмъ не такъ. Во-первыхъ, много прошло времени послѣ первоначальныхъ моихъ хозяйственныхъ опытовъ, и я не такъ уже поверхностно и легкомысленно смотрѣлъ на отношенія помещика къ своимъ крестьянамъ. Во-вторыхъ, мои хозяйственныя свѣдѣнія и опыты оказались вовсе недостаточными, потому что грунтъ земли въ Наде-

жизнь была другой, и далеко не так хороша, какъ въ Аксаковъ; да и значительная возвышенность мѣстности сильно охлаждала почву и подвергала растительность хлѣбовъ несвоевременнымъ морозамъ. Два неурожайныхъ года сряду, лишили меня бодрости. Нетерпѣніе и недостатокъ твердаго постоянства были свойственны моей впечатлительной природѣ — и я бросилъ хозяйство. Хорошо, что я скоро догадался не мѣшать старости: все пошло по прежнему, и хозяйственныя дѣла пошли гораздо лучше; но за то нравственное мое чувство безпрестанно оскорблялось, и сознание въ собственномъ «безсиліи: быть полезнымъ» отравляло мою тихую, уединенную деревенскую жизнь.

Ружейная охота, степная, лѣсная и болотная, ужение форели всѣхъ трехъ родовъ (другой рыбы по близости около меня не было), переписка съ Московскими друзьями, чтеніе книгъ и журналовъ и наконецъ литературныя занятія наполняли мои лѣтніе и зимніе досужные часы, остававшіеся праздными отъ внутренней семейной жизни. Общества не было, или было такое, какое хорошо только въ художественномъ воспроизведеніи, а не въ дѣйствительности. Я перевелъ осьмую сатиру Буало, нѣсколько сценъ изъ Французскихъ трагедій и написалъ съ десятокъ посланій въ стихахъ. Статья моя о театрѣ и театральномъ искусствѣ, не помню только подъ какимъ заглавіемъ, была напечатана въ Вѣстникъ Европы; туда

же послалъ я подробный и строгій разборъ «Федры,» переведенной Лобановымъ, но не знаю почему, Каченовскій не напечаталъ моей критики, и я болѣе ничего ему не посылалъ. Всего чаще переписывался я съ А. И. Писаревымъ, который во время моего отсутствія сдѣлался блистательнымъ водевиллистомъ; водевили были всѣ переводные, но куплеты оригинальные и такъ хороши, что до сихъ поръ остаются лучшими водевильными куплетами. Всѣ, приспособленные къ настоящему времени литературной полемики, остроумные, колкіе и даже злые, они скоро доставили Писареву обольстительное титуло — любимца Московской публики. Впрочемъ Писаревъ не одними водевилями заслужилъ свою извѣстность и славу. Кромѣ многихъ, по тогдашнему, прекрасныхъ стихотвореній, изъ которыхъ были особенно замѣчательны двѣ сатиры, напечатанныя подъ названьемъ «Пославій къ молодому любителю словесности,» онъ переложилъ гладкими и сильными стихами, старинную комедію Шеридана «Школа Злословія» и назвалъ ее «Лукавинъ,» по имени одного изъ дѣйствующихъ лицъ, характеръ котораго развитъ Писаревымъ гораздо шире и полнѣе, чѣмъ у Шеридана. Онъ переложилъ также стихами Французскую комедію въ трехъ дѣйствіяхъ (*Voyage à Dieppe*) на Русскіе нравы и назвалъ «Поездка въ Кронштадтъ.» Обѣ комедіи были напечатаны и приняты всеми безъ исключенія, разумѣется кромѣ литературныхъ вра-

говъ, съ великими похвалами. «Повздуку въ Кронштадтъ» онъ посвятилъ мнѣ. Стихи въ ней еще лучше, чѣмъ въ «Лукавинѣ.»

Кстати: надобно предварительно сказать, что въ Москвѣ, черезъ годъ послѣ моего отъѣзда, изъ театральной конторы, находившейся подъ непосредственнымъ управленіемъ Московскаго Военнаго Генераль-Губернатора, образовалась отдѣльная дирекція. Директоромъ былъ определенъ Кокошкинъ, а членомъ дирекціи по хозяйственной части — Загоскинъ; репертуарнымъ членомъ былъ назначенъ Арсеньевъ, человекъ очень любезный и образованный, даже знатокъ и страстный поклонникъ Греческой литературы; но въ репертуарныя дѣла онъ не мѣшался и предоставилъ ихъ Кокошкину, который, по страстной своей охотѣ къ театру, ревностно занимался репертуарною частью. Писаревъ, жившій у Кокошкина въ домѣ и находившійся въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ нему и Загоскину, даже много обязанный имъ обоимъ, прямо попалъ въ театральную сферу, полюбилъ ее и опредѣлился въ службу дирекціи переводчикомъ и помощникомъ репертуарнаго члена Арсеньева; успѣхи пьесъ на сценѣ, разумѣется, еще болѣе увлекли Писарева, и скоро онъ утонулъ въ закулисномъ мѣрѣ....

Наступила зима 1825 года. Все было тихо и спокойно въ нашей пустынной глуши. Ничто не предвѣщало важности грядущихъ событій, а между

тѣмъ историческая драма уже начиналась.... 6-го Декабря, на именинахъ у кого-то изъ сосѣдей, гдѣ находились между прочимъ всѣ Белебеевскіе чиновники и жившій въ этомъ городкѣ прежній нашъ губернаторъ, М. А. Паврозовъ, получили мы извѣстіе, что Государь Александръ Павловичъ скончался въ Таганрогѣ. Вѣсть эта поразила всѣхъ такимъ ужасомъ, какого я ни прежде, ни послѣ не видѣлъ и самъ не испытывалъ. Конечно, много было причинъ къ такому общему поражению, но было что-то и особенное. Покойный императоръ находился въ самой порѣ мужества и зрѣлости человѣческаго возраста, ему шель 48-й годъ, всѣ привыкли считать его крѣпкимъ, здоровымъ, способнымъ переносить безвредно всякіе тѣлесные труды и всякія душевныя тревоги, которыхъ, какъ извѣстно, онъ испыталъ не мало; не было ни малѣйшаго слуха объ его болѣзни, даже о нездоровьи, — внезапная вѣсть объ его кончинѣ должна была потрясти всѣхъ. Это былъ громовый ударъ изъ безоблачныхъ небесъ. Притомъ смерть Императора, во время царствованія котораго совершились міровыя событія, котораго имя неразрывно связано съ «Вѣчной памятью двѣнадцатаго года,» возведшаго Россію на высшую степень славы и могущества, Императора, твердостью котораго, по общему убѣжденію, палъ Наполеонъ, недавно кончившій дни свои узникомъ на островѣ Св. Елены, смерть такого Государя, всѣхъ заставляла невольно почувствовать безот-

четный страхъ. Когда мы нѣсколько опомнились и вышли изъ оцѣпенѣнія, первая мысль представилась: кто будетъ Царемъ? Всѣ присутствующіе, кромѣ меня и Наврозова, не сомнѣвались, что преемникомъ Александра Павловича будетъ Цесаревичъ Константинъ; но мы съ Наврозовымъ, были убѣждены въ противномъ. Мы очень хорошо помнили, что въ 1820-мъ году былъ расторгнутъ бракъ Цесаревича съ его законною супругою и послѣдовалъ манифестъ, которымъ узаконялось, что всякій членъ Императорской фамиліи, вступившій въ брачный союзъ съ лицомъ, не принадлежащимъ къ владѣтельному дому, не можетъ сообщать ему права Императорской фамиліи и что дѣти ихъ на престолъ никогда взойти не могутъ. Вслѣдъ за тѣмъ Цесаревичъ женился на графинѣ Ловичъ, Полячкѣ и католичкѣ — какъ же можно было ей сдѣлаться Русскою Императрицей? При томъ впоследствии носились темные слухи, что Цесаревичъ Константинъ потому и получилъ согласіе Императора Александра на разводъ и вторичную женитьбу, что отрекся отъ права наследія на Рускій престолъ. Каково же было мое удивленіе, когда на другой день поутру, увѣдомили меня изъ города, что съ нарочнымъ курьеромъ полученъ указъ Правительствующаго Сената, извѣщающій о кончинѣ Императора Александра I-го и о присягѣ законному наследнику Его Константину Павловичу. Сильно смущенный, поѣхалъ я немедленно въ Белебей, чтобъ

потолковать съ Наврозовымъ. Тамъ уже все присягнули. Людямъ, понимавшимъ сколько-нибудь дѣло, крепко не нравилась новая Императрица, хотя по слухамъ она была превосходная женщина. «Вѣру-то перемѣнить, говорилъ мой родственникъ, уѣздный судья, Бушинъ. Это пустое, будто католички вѣры не мѣняютъ. Для Всероссійскаго престола можно и двѣ вѣры перемѣнить. Да вотъ бѣда: кровь-то въ ней Польская; будетъ руку Поляковъ держать, а Константинъ Павловичъ, говорятъ, и безъ того въ нихъ души не чае.» Оставшись наединѣ съ Наврозовымъ, сообщили мы другъ другу свои тревожныя опасенія и расстались убѣжденными, что дѣла такъ идти не могутъ. Недѣли черезъ три, прочли мы въ Московскихъ Вѣдомостяхъ извѣстіе о 14-мъ Декабрѣ и въ слѣдъ за тѣмъ новый указъ о присягѣ новому Императору, Николаю Павловичу; а также Его манифестъ съ приложеніемъ всехъ бумагъ, касающихся до отреченія Цесаревича Константина Павловича, сначала отъ права наследія, а потомъ отъ престола, — когда уже была принесена Ему присяга во всей Россіи. Въ уѣздѣ, въ которомъ я жилъ, вторая присяга не произвела никакого смущенія; помѣщики, чиновники и вообще весь грамотный людъ, не могли сомнѣваться въ правдѣ и подлинности актовъ и очень были довольны, что Цесаревичъ не будетъ Императоромъ, потому что все опасались Польскаго вліянія. Простой же народъ состоялъ изъ помѣщичьихъ крестьянъ,

которые не присягаютъ, и изъ инородцевъ, то есть: Башкиръ, Татаръ, Мордвы, Чувашъ и Вотяковъ, которымъ, разумѣется, никакой не было надобности до законности правъ престолонаслѣдія, но которые, безъ сомнѣнія, пришли бы въ отчаяніе, еслибъ имъ объявили, что у нихъ не будетъ Царя. Сказывалъ мнѣ однакожъ исправникъ, что на двухъ горныхъ мѣдеплавительныхъ заводахъ, находившихся въ нашемъ уѣздѣ и состоявшихъ изъ однихъ раскольниковъ, много было толковъ, и что, по какимъ-то ихъ соображеніямъ, они ожидали, что Цесаревичъ Константинъ будетъ благосклоненъ къ старовѣрамъ.

Въ началѣ 1826-го года мои собственныя печальныя обстоятельства нарушили тишину и спокойствіе моей деревенской жизни. Надежно никогда мнѣ не правилось, а тутъ сдѣлалось даже противнымъ. Я рѣшился ускорить мой переѣздъ въ Москву, и въ Августъ мѣсяцъ, вмѣстѣ съ остальнымъ семействомъ, навсегда простился съ Оренбургскимъ краемъ.

1826 ГОДЪ.

1826-го года, 8-го Сентября, часовъ въ восемь вечера, въ осеннюю звѣздную ночь, остановилась наша карета передъ Москвой у Рогожской заставы. Москва, еще полная гостей, съѣхавшихся на коронацію изъ цѣлой Россіи, Петербурга и Европы, страшно гудѣла въ тишинѣ темной ночи, охватившей

ея сороковерстный Камерколлежский валъ. Десятки тысячъ экипажей, скачущихъ по мостовымъ, крикъ и говоръ, еще неспящаго, четырехсоттысячнаго населенія, производили такой полный хоръ звуковъ, который нельзя передать никакими словами. Это было что-то похожее на отдаленные, непрерывные громовые раскаты, на шумъ падающей воды, на стукотно мельницъ, на гудѣнье множества исполинскихъ жернововъ. Никакой рѣзкій стукъ или крикъ не вырывался отдѣльно, все утопало въ общемъ шумѣ, гулѣ, грохотѣ, и все составляло непрерывно и стройно текущую рѣку звуковъ, которая съ такою силою охватила насъ, овладѣла нами, что мы долго не могли выговорить ни одного слова. Надъ всей Москвой стояла бѣловатая мгла, сквозь которую свѣтились милліоны огоньковъ. Блѣдное зарево отражалось въ темномъ куполѣ неба, и тускло сверкали на немъ звѣзды. И въ эту столичную тревогу, вѣчный шумъ, громъ, движеніе и блескъ — переносилъ я навсегда, изъ спокойной тишины деревенскаго уединенія, скромную судьбу мою и моего семейства. Въ эту минуту съ особенной живостью представилась мнѣ недостаточность вещественныхъ средствъ моихъ, непрочность надеждъ, и всѣ послѣдствія такого неосновательнаго поступка... Но подорожную прописали, часовому скомандовали: «подвысь» — и карета въѣхала въ Москву.

Домъ Кавелиныхъ, въ которомъ мы должны были

остановиться, послѣдній домъ тогда у Спаской заставы, былъ очень недалеко, но люди долго проискали его. Я самъ не умѣлъ указать, какъ проѣхать, потому что съ этой стороны никогда не подъѣзжалъ къ нему. Наконецъ кое-какъ отыскали дорогу. Хозяйки не было дома: она ночевала въ Вознесенскомъ монастырѣ у своей знакомой бѣлицы, для того, чтобъ быть поближе къ брату, который жилъ во флигель Николаевскаго дворца, прямо противъ кабинета Государя, и не имѣлъ свободнаго времени, чтобъ ежедневно ѣздить для свиданія съ родными въ Таганку.

На другой день отправился я прямо въ контору театра, зная, что я навѣрное найду тамъ Кокошкина, Загоскина и Писарева. Большой Петровскій театръ (*), возникшій изъ старыхъ, обгорѣлыхъ развалинъ, лѣтъ двадцать непріятно поражавшихъ глаза Московскихъ жителей,—изумилъ и восхитилъ меня. Я еще горячо любилъ театръ; десятилѣтняя жизнь въ Оренбургской глуши, конечно, не могла охладить этой любви, и великолѣпное громадное зданіе, исключительно посвященное моему любимому искусству, уже одною своею внѣшностью привело меня въ радостное волненіе. Я вошелъ въ контору; въ первой комнатѣ, занятой столами чиновниковъ и множествомъ всякаго театральнаго народа, спросилъ я о Кокошкинѣ и За-

(*) Сгорѣвшій еще при Медоксѣ, кажется, въ 1805 году, передъ началомъ представленія 1-й части «Днѣпровской Русалки.»

госкинь; мнѣ отвѣчали, что они въ «присутственной комнатѣ;» я хотѣлъ войти въ нее, но стоявшій у дверей капельдинеръ, въ придворной ливреѣ, не пустилъ меня, говоря, что «безъ доклада директору и безъ его дозволенія, никто туда войти не можетъ.» Напрасно я увѣрялъ, что директоръ мнѣ пріятель, что я хочу нечаянно его обрадовать, — капельдинеръ недовѣрчиво поглядывалъ на мой пошешенный, очень не модный сюртукъ, и не согласился пустить меня. Дѣлать было нечего. Я сказалъ свое имя и фамилію. Капельдинеръ растворилъ дверь, и едва успѣлъ выговорить: «Сергѣй Тимоѣенчъ Аксаковъ,» какъ Кокошкинъ, ходившій по комнатѣ и говорившій съ какимъ-то значительнымъ господиномъ, забывъ свою обычную великолѣпную важность, выбѣжалъ ко мнѣ на встрѣчу и бросился обнимать меня... Загоскинъ же, услыхавши мое имя, какъ буря возсталъ изъ-за стола, разбрасывая бумаги, опрокидывая кресла, давя людей, ворвался въ канцелярію, вырвалъ меня у Кокошкина и, говоря безъ преувеличенія, едва не задушилъ въ своихъ объятіяхъ: впрочемъ, это была его обыкновенная манера. Съ радостными восклицаніями ввели они меня въ свою присутственную комнату, и снова принялись обнимать. Непритворная радость свѣтилась на ихъ лицахъ. Я былъ сердечно растроганъ. После нѣсколькихъ отрывочныхъ, взаимныхъ вопросовъ и отвѣтовъ, я спросилъ о Писаревѣ. Оба мои пріятеля

вскрикнули отъ удивленія, вспомнивъ, что онъ, по какому-то предчувствію моего пріѣзда, поѣхалъ провѣдать обо мнѣ въ Таганку, потому что зналъ адресъ дома, гдѣ я долженъ былъ остановиться. Значительный господинъ со звѣздою, видя, что директору не до него, раскланялся, и мы на свободѣ обо всемъ поразспросили другъ друга, обо всемъ переговорили другъ съ другомъ. Я не былъ знакомъ лично съ Верстовскимъ и Щепкинымъ, и потому сейчасъ послали за ними на сцену, гдѣ репетировалась для завтрашняго вечера, новая тогда, комедія въ стихахъ, Кн. Шаховскаго «Аристофанъ или представленіе комедіи Всадники,» которая игралась на Московской сценѣ съ большимъ успѣхомъ. Верстовскій опредѣлился директоромъ музыки въ Московскій театръ во время моего отсутствія, Щепкинъ также безъ меня поступилъ на сцену; но мнѣ столько объ нихъ писали, а имъ столько обо мнѣ наговорили и Кокошкинъ и Загоскинъ и особенно Писаревъ, что мы заочно были уже хорошо знакомы, и потому встрѣтились, какъ давнишніе пріятели, и даже обрадовались другъ другу. «Да зачѣмъ же, милый, сказалъ Кокошкинъ, обращаясь къ Загоскину, мы отвлекаемъ Михаила Семеныча отъ репетиціи? Лучше мы поведемъ на сцену Сергѣя Тимоѣича: онъ увидитъ тамъ почти всю нашу труппу и наши будущія надежды.» Я охотно согласился, и мы пошли на сцену. Я никогда не могъ объяснить себѣ, отъ

чего репетиція пієсы, разумѣется, уже хорошо слаженной, даже въ позднѣйшіе годы часто производила на меня очень сильное и пріятное впечатлѣніе. Я зналъ многихъ людей, которые утверждали, что никогда не надобно смотрѣть репетицій, если хочешь вполне почувствовать достоинство пієсы въ настоящемъ представленіи, — и трудно спорить противъ этого мнѣнія; но на дѣль я испытывалъ другое. Въ этотъ же день, о которомъ я говорю, мнѣ было весьма естественно предаться увлеченію. Я не видѣлъ театра пять лѣтъ, проживъ ихъ безвыѣздно въ деревнѣ. Вздвигнутый своимъ переездомъ въ Москву, горячимъ пріемомъ моихъ старыхъ и новыхъ пріятелей, а всего болѣе, притихшей навремя и съ новою силою вспыхнувшей, моею страстью къ искусству, взшелъ я на огромную, великолѣпную сцену Петровскаго театра, полную жизни, движенія и людей, мелькавшихъ, какъ тѣни въ полумракѣ, который сначала ослѣпилъ меня; громъ музыки, пѣніе хоровъ, пляски на праздникъ Вакха, все это вмѣстѣ показалось мнѣ чѣмъ-то волшебнымъ. Я приглядѣлся къ темнотѣ, сталъ различать и узнавать людей; сцена очистилась, и мелодическій, звучный, страстный голосъ Аристофана, въ которомъ я не вдругъ узналъ молодаго Мочалова, — довершилъ очарованіе. Музыка, танцы, стихи, игра Мочалова и Синецкой, игра, которая въ самомъ дѣль была хороша, показались мнѣ тогда чѣмъ-то

необыкновеннымъ, даже какимъ-то совершенствомъ. Во время антракта, толпа актеровъ и актрисъ, пѣвицъ и танцовщицъ, всякаго возраста, окружила насъ. Кокошкинъ не пропустилъ случая произнести коротенькую, но торжественную рѣчь ко всемъ, насъ окружающимъ, въ которой, представляя мнѣ всю труппу, не поскупился наговорить мнѣ великолѣпныхъ похвалъ. Я возобновилъ мое знакомство съ Синецкой и Мочаловымъ, — который очень помнилъ, какъ отецъ заставлялъ его декламировать передо мною Полиника, — и познакомился со многими, которыхъ не зналъ. Тутъ въ первый разъ увидѣлъ я Сабурова и Рязанцева; Кокошкинъ назвалъ ихъ блистательными надеждами Московской сцены. Про Рязанцева и Щепкинъ шепнулъ мнѣ: «Это нашъ капиталъ.» Всѣ меня встрѣтили съ необыкновеннымъ радушіемъ, какъ мнѣ показалось тогда, при моемъ настроеніи увлекаться. Репетицію стали продолжать; мы съѣли съ Кокошкинымъ на помостъ храма Вакха, и онъ съ патетическимъ одушевленіемъ сказалъ: «не правда ли, милый, что мы въ Аѳинахъ? Шаховской ничего не написалъ, да и ничего не напишетъ лучше Аристофана.» Я не спорилъ. Я самъ находился въ какомъ-то упоеніи, да и пьесы не зналъ. — Очень мнѣ хотѣлось дослушать репетицію Аристофана; но я, не смотря на свое увлеченіе, вспомнилъ, что мнѣ необходимо видѣться съ Кавелинымъ и что Писаревъ ждетъ меня въ Таганкѣ —

иначе онъ давно бы воротился. Не слушая убѣдительныхъ просьбъ Кокошкина: остаться на полчаса, чтобъ увидѣть Синецкую въ одной сценѣ, которую она, по словамъ его, превосходно играла, я извинился и уѣхалъ, давъ однако слово Кокошкину, что завтра прѣйду смотрѣть Аристофана въ его ложу или кресло. Кавелина я не засталъ; мнѣ сказали, что онъ съ сестрой уѣхалъ къ намъ, и я поспѣшилъ домой.

Точно, я нашелъ у себя дома Кавелина съ его сестрой, и Писарева. Много произошло переменъ съ Кавелинымъ съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались. Изъ поручика или штабсъ-капитана Измайловскаго полка, онъ сдѣлался полковникомъ, Флигель-адъютантомъ и однимъ изъ самыхъ близкихъ людей къ царствующему Императору.... Но всѣ рассказы были отложены до болѣе свободнаго времени, а теперь ему надобно было немедленно ѣхать, и мы простились. Писаревъ дожидался меня не даромъ. Кромѣ желанія поскорѣе меня увидѣть и обнять, ему нужно было предупредить меня и, къ сожалѣнью, весьма невыгодно, объ одномъ изъ близкихъ со мною людей. Разумѣется, мнѣ это было больно и непріятно, потому что всегда непріятно ошибаться; но меня гораздо болѣе огорчилъ самъ Писаревъ: онъ былъ худъ, блѣденъ, глаза его потеряли свой прежній блескъ и онъ довольно часто кашлялъ. Зловѣщая мысль промелькнула у меня въ головѣ, и сердце бользненно сжалось. Но я овладѣлъ собою

и съ наружнымъ спокойствіемъ выслушалъ невеселую повѣсть пяти лѣтъ, проведенныхъ нами въ разлукѣ. Здѣсь не мѣсто подробно разсказывать эту повѣсть, а скажу только, что я вывелъ изъ нея слѣдующее заключеніе: Писаревъ, будучи отъ природы очень слабаго сложенья, имѣлъ расположеніе къ раздражительности, которая ужасно развилась въ продолженіе нашей разлуки. По несчастію, эта раздражительность никогда не выражалась во внѣшности; холодный по наружности, онъ рвался внутренно, и эта постоянная тревога сокрушила его здоровье. Причинъ къ волненію было много: сначала блистательные успѣхи, и особенно на сценѣ, вскружили ему голову. Писаревъ, повидимому, очень спокойно раскланивался изъ директорской ложи съ публикой, вызывавшей его за каждую піесу восторженными криками; но послѣ cadaго вызова у него была лихорадка. На поприщѣ журнальной литературы, онъ не захотѣлъ сойтись съ издателемъ Московскаго Телеграфа. Онъ былъ правъ; но, можетъ быть, поступилъ слишкомъ рѣзко, и нажилъ себѣ заклятаго врага. Закипѣла страшная полемика; Писаревъ, умѣя наносить жестокія язвы своимъ противникамъ, не умѣлъ равнодушно сносить никакой царапинки. Раздражительность, желчность ослѣпляли его, и въ число его литературныхъ враговъ попали такіе люди, которые заслуживали полнаго уваженія по своимъ талантамъ. Публика любитъ

пѣтушиный бой, и осыпая громкими рукоплесканьями острые и злые куплеты Писарева, она съ такимъ же удовольствіемъ читала язвительныя выходки противъ него въ Московскомъ Телеграфѣ, не разбирая, справедливы они, или нѣтъ. Публика тѣшилась, а бойцамъ была накладна эта потѣха; для Писарева, по крайней мѣрѣ, она была очень вредна. — Писаревъ говорилъ со мной много и долго, съ внутреннимъ волненіемъ, отъ котораго часъ отъ часу становился блѣднѣе. Я поспѣшилъ остановить его и успокоить, сколько могъ. Онъ хотѣлъ было остаться до 6-ти часовъ вечера, то есть, до начала спектакля, но я, подѣ разными предлогами, выпроводилъ его. Я зналъ, что, оставшись со мною, онъ не пересталъ бы рассказывать мнѣ про свое прошедшее и настоящее, и не пересталъ бы волноваться.

На другой день мы отправились въ театръ. Великолѣпная театральная зала, одна изъ огромнѣйшихъ въ Европѣ, полная зрителей, блескъ дамскихъ нарядовъ, яркое освѣщеніе, превосходныя декорации, богатство сценической постановки, — все вмѣстѣ взволновало меня болѣе вчерашнаго; я долженъ признаться, что былъ очарованъ Аристофаномъ. Онъ былъ очень хорошо поставленъ на Московской сценѣ самимъ княземъ Шаховскимъ, опытнымъ знатокомъ и мастеромъ этого дѣла. Шаховской имѣлъ необыкновенное искусство пользоваться всѣми личностями,

составляющими театральную труппу, и часто актеръ, считавшійся вовсе безталантнымъ, являлся въ его піесъ, къ общему изумленію зрителей, играющимъ свою роль очень хорошо. Я же, никогда не выдавшій большой половины актеровъ и актрисъ, былъ совершенно обманутъ — и господинъ Барановъ (жалкая посредственность вездъ), въ роли Казнодара Клеона, показался мнѣ прекраснымъ актеромъ. Щепкинъ занималъ самую ничтожную роль Созія, состоявшую изъ нѣсколькихъ строкъ; но и тутъ онъ умѣлъ такъ сказать ничего незначущій стихъ:

«Гермесь! пѣтухъ твой улетѣлъ,»

что зрители громкимъ смѣхомъ и рукоплесканіемъ выразили свое удовольствіе. Хотя я видѣлъ Щепкина на сценѣ въ первый разъ, но по общему отзыву зналъ, что это артистъ первоклассный, и потому я замѣтилъ Писареву, что немного странно играть такую ничтожную роль такому славному актеру, какъ Щепкинъ; но Писаревъ съ улыбкою мнѣ сказалъ, что князь Шаховской всѣмъ пользуется для придачи блеска и успѣха своимъ піесамъ, и что Щепкинъ, впрочемъ, очень радъ былъ исполнить желаніе и удовлетворить маленькой слабости сочинителя, великія заслуги котораго Русскому театру онъ вполне признаетъ и уважаетъ. Князь Шаховской былъ боленъ и потому не пріѣзжалъ на ту репетицію, которую я видѣлъ вчера; его не было

также и сегодня на настоящемъ представленіи; но онъ взялъ слово съ Писарева, что Писаревъ вечеромъ побываетъ у него и расскажетъ, какъ шла піеса. Мнѣ была очень понятна и пріятна такая нѣжная и безпокойная заботливость автора о своемъ произведеніи. Синецкая была очень хороша въ роли Алкиной; но я замѣтилъ, что средства ея нѣсколько слабы для такой огромной сцены, на которой, правду сказать, никогда не слѣдовало давать комедій, а только большія оперы и балеты. Шаховской зналъ это лучше всѣхъ; но какъ его піеса была сопровождаема великолѣпнымъ спектаклемъ, то есть, множествомъ народа, пѣвцовъ, пѣвицъ, танцовщиковъ и танцовщицъ, то ее и нельзя было давать на сценѣ Малаго театра. Великолѣпный спектакль — была также маленькая слабость Шаховскаго, какъ я послѣ узналъ. Мочаловъ привелъ меня въ восхищеніе. Сколько огня, сколько чувства и даже силы было въ его сладкомъ, очаровательномъ голосѣ! Какъ онъ хорошъ былъ собой и какія послушныя, прекрасныя и выразительныя имѣлъ онъ черты лица! Всѣ чувства, какъ въ зеркалѣ, отражались въ его глазахъ! Греческій хитонъ и мантия скрывали недостатки его тѣлосложенія и дурныя привычки къ извѣстнымъ движеніямъ, которыя и тогда были въ немъ уже замѣтны. Однимъ словомъ, я былъ очарованъ имъ и былъ увѣренъ, что изъ него выдетъ одинъ изъ величайшихъ артистовъ. Впрочемъ и Кокошкинъ и Писа-

ревъ также восхищались и говорили, что онъ никогда такъ хорошо не игралъ Аристофана; они приписывали удачную игру Мочалова отсутствію князя Шаховскаго, который своимъ постояннымъ наблюдениемъ и взыскательностію за каждое невѣрно сказанное слово, приводилъ въ смущеніе молодаго актера: онъ старался играть какъ можно лучше, и отъ того игралъ хуже. Узнавъ отъ Писарева, что Мочаловъ дикъ въ обществѣ порядочныхъ людей, что онъ никогда не бываетъ въ литературномъ кругу Кокошкина безъ оффиціального приглашенія, я тогда же составилъ планъ сблизиться, подружиться съ Мочаловымъ, ввести его въ кругъ моихъ пріятелей у меня въ домъ и употребить все средства для его образованія, въ которомъ онъ, какъ я слышалъ, очень нуждался. Я такъ горячо этого желалъ, что не сомнѣвался въ успѣхѣ; я сообщилъ мои намѣренія Писареву, который, сомнительно покачавъ головой, сказалъ: «Дай Богъ тебѣ удачи больше, чѣмъ намъ; ты скорѣе насъ можешь это сдѣлать; ты ему не начальникъ, и твоя безкорыстная любовь къ театральному искусству придастъ убѣдительность твоимъ совѣтамъ, которые подѣйствуютъ на него гораздо лучше директорскихъ наставленій. Я увѣренъ, что Мочаловъ тебя полюбитъ -- а это самое важное.» Обо всемъ этомъ я успѣлъ переговорить съ Писаревымъ во время антрактовъ, ходя съ нимъ по огромной сценѣ, представлявшей площадь въ

Аѳинахъ, въ толпѣ театральнаго народа, превращеннаго въ Грековъ, въ Вакховыхъ жрецовъ и вакханокъ. Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, по окончаніи пѣсы, послѣ шумнаго вызова Синецкой и Мочалова, я, съ врожденною мнѣ пылкостью, бросился къ Мочалову и высказалъ ему мое восхищеніе, мои надежды, мое желаніе сблизиться съ нимъ. Въ моихъ словахъ не было недостатка въ искренности и въ неподдѣльномъ горячемъ чувствѣ. Мочаловъ не умѣлъ хорошо выразить своихъ внутреннихъ движеній, но очевидно былъ тронутъ моимъ участіемъ, и въ несвязныхъ словахъ пробормоталъ мнѣ, что сочтетъ за особенное счастье воспользоваться моимъ расположеніемъ и что очень помнитъ, какъ любилъ и уважалъ меня его отецъ. Не смотря на мои 35 лѣтъ, я былъ еще очень молодъ, голова моя горѣла, и я въ большомъ волненіи отправился въ свою уединенную и отдаленную Таганку.

На другой день вмѣстѣ съ Кавелинымъ поѣхали мы къ П. П. Мартынову, который жилъ въ Спасскихъ казармахъ; съ нимъ также произошла значительная переменна, равно и съ другимъ моимъ пріятелемъ, Воропановымъ. Ровно за десять лѣтъ оставилъ я ихъ офицерами Измайловскаго полка; Мартыновъ былъ полковникомъ, служакой, а Воропановъ—капитаномъ, вовсе фрунтовой службы незнающимъ, потому что всегда находился адъютантомъ у полковаго коман-

дира. Я былъ короткимъ пріятелемъ съ обоими и, прощаясь съ ними въ Петербургъ въ 1816 году, я убѣдительно доказывалъ, что имъ не слѣдуетъ оставаться въ гвардіи; оба не получили почти никакого образованія и не имѣли никакого состоянія. Я совѣтовалъ имъ выйти въ армію полковыми командирами, жениться на деревенскихъ дѣвушкахъ съ состояніемъ и зажить припѣваючи, и что-же? Въ 1826-мъ году Мартыновъ служилъ гвардейскимъ бригаднымъ генераломъ, а Воропановъ командовалъ гвардейскимъ полкомъ: оба были генераль-адъютанты. Событія 14-го Декабря выдвинули ихъ впередъ, потому что они имѣли случай показать свою преданность Государю; впрочемъ Мартыновъ, кромѣ титула извѣстнаго фрунтовика, имѣлъ много душевныхъ достоинствъ и былъ давно извѣстенъ Императору, когда онъ еще былъ Великимъ Княземъ и Шефомъ Измайловскаго полка. Личность М — ова заслуживала полного уваженія; но для этого надо было знать его очень коротко и примириться съ невыгодною внѣшностью. Мартыновъ былъ мой землякъ, очень меня любилъ, и обрадовался мнѣ, какъ родному. Онъ вспомнилъ, что я совѣтовалъ ему и Воропанову перейти въ армію, и, встряхнувъ своими золотыми эполетами и эксельбантомъ, засмѣявшись, сказалъ мнѣ, что предсказанія мои не сбылись и что незнаніе Французскаго языка и *грамматики* не помѣшало ему занять такое высокое мѣсто и поль-

зоваться милостью и довѣренностью Государя. Я искренно порадовался его возвышенію и пожелалъ ему дальнѣйшихъ успѣховъ.

Александръ Семенычъ Шишковъ былъ въ это время министромъ Народнаго Просвѣщенія. Разумѣется, я поспѣшилъ съ нимъ увидѣться. Я говорилъ уже въ одномъ изъ моихъ воспоминаній, что онъ назначилъ меня цензоромъ въ Московскомъ, будущемъ, отдѣльномъ отъ университета, цензурномъ комитетѣ, который долженъ былъ открыться черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Это обстоятельство много облегчало для меня трудность Московской жизни.

Черезъ мѣсяць опустѣла Москва отъ прїѣзжихъ гостей. Дворъ, Дипломатической корпусъ, Министерства и гвардія воротились въ Петербургъ, и Москва приняла свой обыкновенный, будничныи характеръ. Я нанялъ себѣ большой домъ на Остоженкѣ, и мало по малу начала устроиваться моя городская жизнь.

Въ продолженіе этого времени я почти ежедневно бывалъ въ театрѣ и видался съ Кокошкинымъ, Загоскинымъ и Писаревымъ. Князь Шаховской недѣли двѣ былъ боленъ и не выѣзжалъ изъ своей квартиры. Всѣ трое моихъ прїятелей, въ томъ числѣ и Кокошкинъ, котораго кн. Шаховской, какъ извѣстно моимъ читателямъ, нѣкогда бранилъ безпощадно, были съ нимъ очень дружны и хотѣли немедленно повезти меня къ нему; но я рѣшительно

отказался и объявилъ, что не намѣренъ сближаться съ Шаховскимъ. Всѣ думали, что я сержусь на него за Петербургскую нашу встрѣчу, случившуюся за десять лѣтъ, при постановкѣ на Русскую сцену Мизантропа; но это было совершенно несправедливо. Я вовсе былъ неспособенъ къ злопамятности, да и дѣло того не стоило. Мнѣ даже досадны были слова Кокошкина, который не одинъ разъ говорилъ мнѣ: «Нѣтъ, милый, ты все сердишься на Шаховскаго за меня. Повѣрь, что онъ это такъ. Онъ вѣдь пребъшенный, и когда взбѣлится, то самъ не помнитъ, что говоритъ; а злобы у него никакой нѣтъ, и онъ предобрый, онъ всѣхъ насъ любитъ отъ всего сердца, хотя при случаѣ осердясь и укуситъ.» Загоскинъ, который о другихъ судилъ по себѣ, у котораго всѣ были прекрасные люди, распинался за честность и доброту кн. Шаховскаго. Даже Писаревъ, котораго судъ объ людяхъ былъ скорѣе строгъ, чѣмъ снисходителенъ, увѣрялъ меня, что кн. Шаховской раздражительное, но добродушное, дитя, что у него много смѣшныхъ слабостей, что онъ прежде въ Петербургѣ находился подъ управленіемъ известной особы, что за нее прогнали его изъ Петербургской дирекціи, гдѣ завѣдывалъ онъ репертуарною частью, и что, переѣхавъ на житье въ Москву на свою волю, такъ сказать, онъ сдѣлался совсѣмъ другимъ человѣкомъ, то есть, самимъ собою. Но предубѣжденіе мое противъ князя Шаховскаго

было слишкомъ сильно. Онъ имѣлъ множество враговъ въ Петербургѣ, которые составили ему весьма дурную славу въ обществѣ. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, я привыкъ считать кн. Шаховскаго притѣснителемъ Шушерина, интриганомъ, гонителемъ великаго таланта Семеновой, ласкателемъ, угодникомъ людей знатныхъ и сильныхъ, и наконецъ заклятымъ врагомъ Озерова, котораго онъ будто бы преслѣдовалъ изъ зависти, и даже, какъ утверждали многіе, былъ причиною его смерти. Вслѣдствіе такихъ-то предубѣжденій и слуховъ, которымъ я болѣе или менѣе вѣрилъ, сколько меня ни уговаривали — я не поѣхалъ къ Шаховскому; когда же онъ выздоровѣлъ, я старался не встрѣчаться съ нимъ, и какъ этого совершенно избѣжать было невозможно, то я отдѣлывался учтивымъ поклономъ. Общіе пріятели наши наговорили много добраго обо мнѣ Шаховскому, и онъ, еще до моего пріѣзда, желалъ коротко со мной познакомиться и подружиться. При первой встрѣчѣ у Кокошкина, онъ, какъ хозяинъ, долженъ былъ познакомить насъ съ Шаховскимъ. Не упоминая о нашей прежней, довольно близкой встрѣчѣ, мы отрекомендовались другъ другу, какъ люди, которые видятся въ первый разъ въ жизни. Шаховской впился было въ меня со всею ласковостью своей забавной болтовни, но скоро моя сухость и холодность укоротили его немолкаемый языкъ, и онъ долженъ былъ оставить

меня въ покоѣ. При слѣдующемъ свиданіи, вторичная попытка князя Шаховскаго сблизиться со мной, также была неудачна. Я упрямылся, хотя видѣлъ, что такое положеніе огорчало всѣхъ моихъ пріятелей, что оно нарушало согласный строй дружескихъ собраній всего нашего круга. Шаховской приставалъ съ разспросами къ Кokoшкину, Загоскину и Писареву: что значить мое отчужденіе? и они были въ затрудненіи, что отвѣчать на такіе вопросы. Наконецъ Писаревъ рѣшился поступить прямо и откровенно; онъ сказалъ Шаховскому, что я, наслышавшись много дурнаго о немъ, не хочу съ нимъ войти въ пріятельскія отношенія. Шаховской огорчился и, въ свою очередь, поступилъ также прямо: онъ пріѣхалъ ко мнѣ самъ и рассказалъ мнѣ искренно и добродушно всю исторію своей службы при Петербургскомъ театрѣ; рассказалъ мнѣ нѣсколько такихъ обвиненій противъ него, какихъ я не зналъ, и, опровергнувъ многое положительно, заставилъ меня усомниться въ томъ, чего опровергнуть доказательствами не могъ. Я былъ побѣжденъ, протянулъ руку Шаховскому, — и не имѣлъ причины раскаяваться. Съ каждымъ днемъ, узнавая короче этого добродушнаго, горячаго до смѣшнаго самозабвенія и замѣчательно талантливаго человѣка, я убѣдился впоследствии, что одну половину обвиненій онъ наговорилъ и наклепалъ самъ на себя, а другая произошла отъ недоразумѣній, зависти и клеветы Петербургскаго театраль-

наго міра, оскорбленнаго, раздраженнаго нововведеніями князя Шаховскаго: ибо при его управленіи много людей, пользовавшихся незаслуженными успѣхами на сценѣ или значительностью своего положенія при театрѣ, теряли и то и другое, вслѣдствіе новой системы, какъ театральной игры, такъ и хода дѣлъ по репертуарной части. Къ этому должно прибавить, что князь Шаховской, не видя никакой возможности переучить или передѣлать на свой ладъ людей старыхъ, и даже не старыхъ, но уже закоренѣлыхъ въ старой методѣ сценическихъ традицій, выбралъ нѣсколько молодыхъ людей и образовалъ ихъ по своему. Правда, однакожь, и то, что онъ былъ пристрастенъ къ нимъ и видѣлъ въ нихъ великіе таланты, тогда какъ они имѣли отъ природы мало дарованій. Впрочемъ, тѣмъ болѣе чести имъ. Они, подъ руководствомъ болѣе свѣтлаго, истиннаго взгляда на искусство, переданнаго имъ княземъ Шаховскимъ, умѣли сдѣлать изъ себя такихъ артистовъ, которые долго были украшеніемъ Петербургской сцены и пользовались въ свое время громкою славою и полнымъ сочувствіемъ снисходительной и благодарной Петербургской публики. Это поучительный примѣръ для людей съ положительнымъ талантомъ, блистательно начинающихъ, и потомъ отъ лѣни, неуваженія къ труду, отъ непониманія искусства, переходящихъ въ жалкую посредственность. Я знаю, что и теперь, назвавъ актеровъ, любимцевъ князя

Шаховскаго по имени, я вооружу противъ себя большинство прежнихъ любителей театральнаго искусства; но, говоря о предметъ столь любезномъ и дорогомъ для меня, я не могу не сказать правды, въ которой убѣжденъ по совѣсти. Эти актеры были: Брянскій, Сосницкій, г-жи Валберхова и Е—ва. Первые трое, лично ни въ чемъ не виноватые, возбуждали только зависть; но послѣдняя госпожа была самою главною причиною дурной славы князя Шаховскаго. Имѣя на него большое вліяніе, она умѣла раздражать его, а въ раздраженіи Шаховской бывалъ иногда несправедливъ, и на словахъ, и на дѣлѣ. Всего хуже было то, что Шаховской, не смотря на свою вспыльчивость, проходившую мгновенно, не умѣлъ, не смѣлъ и не могъ обуздать неизвинительныхъ поступковъ этой женщины: все это падало на князя Шаховскаго, и, конечно, всѣ имѣли полное право обвинять его.

Возвращаюсь къ моему разсказу. Къ общему удовольствію нашего круга, объяснившись, мы сошлись съ Шаховскимъ очень скоро и сдѣлались короткими пріятелями. Почти весь нашъ кругъ былъ составленъ изъ людей, служащихъ при театрѣ, пишущихъ для театра и театраловъ по охотѣ. Присутствіе кн. Шаховскаго, поселившагося въ Москвѣ на неопредѣленное время, перваго драматическаго писателя, перваго знатока въ сценическомъ дѣлѣ, преданнаго ему всѣмъ существомъ своимъ, — еще болѣе всѣхъ оду-

шевляло. Хотя Кокошкинъ самъ очень любилъ ставить пьесы на сцену, но онъ благодушно признавалъ превосходство кн. Шаховскаго, называлъ его «первымъ сценическимъ мастеромъ,» и уступалъ ему свои права. Это время можно назвать однимъ изъ лучшихъ для Московскаго театра: Щепкинъ, въ полной зрѣлости своего таланта, работая надъ собою буквально и день и ночь, съ каждымъ днемъ шелъ впередъ и приводилъ всѣхъ насъ въ восхищеніе и изумленіе своими успѣхами. Можетъ быть, публика этого и не замѣчала; но мы, страстные любители театра и внимательные наблюдатели, видѣли, что съ каждымъ представленіемъ даже старыхъ пьесъ, Щепкинъ становился лучше и лучше. Блестящій, ослѣпительный и увлекательный талантъ Мочалова развивался, безъ его вѣдома, всегда неожиданно и не тамъ, гдѣ можно было надѣяться этого развитія. Онъ приводилъ насъ то въ восторгъ, то въ отчаяніе. Самъ князь Шаховской въ послѣдствіи боялся давать ему совѣты и часто говорилъ: «бѣда, если Павелъ Степанычъ начнетъ разсуждать; онъ только тогда и хорошъ, когда не разсуждаетъ, и я всегда прошу его только объ одномъ, чтобы онъ не *старался* играть, а старался только не думать, что на него смотритъ публика. Это геній по инстинкту; ему надо выучить роль и сыграть; попалъ, такъ выдетъ чудо; а не попалъ, такъ выдетъ дрянъ.» И такое опредѣленіе было совершенно справедливо. Сабуровъ и Рязанцевъ,

особенно послѣдній, оба имѣли драгоцѣнное и рѣдкое качество на сценѣ: веселость. Впрочемъ, Рязанцевъ былъ гораздо выше по таланту; въ его игрѣ была такая простота, такая естественность, какой тогда еще не видывали. Онъ имѣлъ одинъ недостатокъ, мало замѣтный по комическому характеру его ролей: игра его была холодною; но говорятъ, что впоследствии, уже въ Петербургѣ, у него начинала проявляться теплота и одушевленіе представляемаго лица. Если это правда, то Рязанцевъ долженъ былъ достигнуть степени великаго артиста. Отчетливая, умная, благородная игра Синецкой, которой вредили иногда совѣты Кокошкина, свѣжее дарованіе Рѣпиной, прекрасная старуха и баба-хлопотунья — Кавалерова, Лавровъ, Степановъ и другіе, менѣе замѣчательныя дарованія, — не говорю о богатыхъ надеждахъ театральной школы, иногда появлявшихся на публичномъ театрѣ, — все это вмѣстѣ придавало Московской сценѣ высокое достоинство. Водевиль Писарева разыгрывались съ неподражаемымъ совершенствомъ. Публика горячо сочувствовала и сочинителямъ и актерамъ, и въ партерѣ театра было такъ же много жизни и движенія, какъ и на сценѣ.

Загоскинъ, съ такимъ блестящимъ успѣхомъ начавшій писать стихи, хотя они стоили ему неизмеримыхъ трудовъ, заслужившій общія единодушныя похвалы за свою комедію въ одномъ дѣйствіи, подѣ

названіемъ: «Урокъ холостымъ или наследники» — (*) рѣшился написать большую комедію въ четырехъ актахъ, а именно: «Благородный театръ.» Мы были съ нимъ очень дружны и онъ первому мнѣ

(*) Послѣ блестящаго успѣха этой комедіи на сценѣ, когда всѣ пріятели съ искренней радостью обнимали и поздравляли Загоскина съ торжествомъ, добродушный авторъ, упоенный единодушнымъ восторгомъ, обнявъ каждаго такъ крѣпко, что щедушному Писареву были не въ терпежъ такія объятія, сказалъ ему: «Ну-ка, душенька, напиши-ка эпиграмму на моихъ «наследниковъ!» — «А почему же нѣтъ,» отвѣчалъ Писаревъ, и черезъ минуту сказалъ слѣдующіе четыре стиха:

Комическій давнишній проповѣдникъ
«Наследниковъ» недавно написалъ,
И очевидно доказалъ,
Что онъ Мольеровъ не наследникъ.

Громкій смѣхъ и одобреніе встрѣтили эту импровизированную эпиграмму, и можно себѣ представить, какъ былъ озадаченъ Загоскинъ. Писаревъ особенно отличался необыкновенной находчивостью, быстротой своихъ эпиграммъ, сказанныхъ или написанныхъ, часто въ одну минуту, безъ всякаго приготовленія. Вотъ еще случай въ доказательство моихъ словъ: послѣ одного изъ предварительныхъ засѣданій Общества Любителей Русской Словесности при Московскомъ Университетѣ, въ которомъ было читано переложеніе нѣсколькихъ псалмовъ М. А. Дмитріева, члены стали хвалить ихъ, но Писаревъ молчалъ. Спросили его мнѣнія, и онъ, взявъ лежащій передъ нимъ листокъ бумаги, написалъ слѣдующее:

Шатровъ и Дмитріевъ, Полимніи сыны,
Давида вызвали изъ гроба.
Какъ переводчики, хоть тѣмъ они равны,
Что хуже подлинника оба.

открылся въ своемъ намѣреніи. Эта комедія долго его занимала. Онъ имѣлъ возможность сдѣлать много наблюдений по предмету ея содержанія и заранее придумалъ множество забавныхъ сценъ и даже множество отдѣльныхъ стиховъ съ звучными и трудными римами, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ, — а между тѣмъ твердаго плана комедіи у него не было; я убѣдилъ его, чтобъ онъ непременно написалъ, такъ сказать, остовъ пьесы, и потомъ уже, слѣдуя своему плану, пользовался придуманными имъ сценами и стихами. Загоскинъ послушался меня, писалъ нѣсколько дней — и ничего не написалъ. Разсердился, разбранилъ меня за мой совѣтъ, себя — за то, что послѣдовалъ ему, и рѣшился засѣсть за работу безъ всякаго плана и писать, что ему придетъ въ голову. Трудно себѣ вообразить, какихъ тяжелыхъ усилій стоилъ ему каждый стихъ. Вотъ была по истинѣ Египетская работа. У Загоскина не было музыкальнаго уха и онъ никакъ не могъ различить пятистопнаго стиха отъ семистопнаго, и пожалуй отъ восьмистопнаго. Часто приходилъ онъ въ бѣшенство, когда въ написанныхъ имъ стихахъ, стоившихъ ему продолжительной работы и которыми наконецъ онъ былъ очень доволенъ — вдругъ находилъ я, то пять съ половиною стопъ вмѣсто шести, то семь вмѣсто шести съ половиной, то неправильное сочетаніе рима, то цезуру не на мѣстѣ... Часто горячился онъ, сердился, и даже не вѣрилъ мнѣ. Нерѣдко случалось, что